

Антонъ Менгеръ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

≡ НОВОЕ УЧЕНИЕ О ПРАВСТВЕННОСТИ

Переводъ съ нѣмецкаго,
подъ редакціей и съ предисловіемъ
Проф. М. РЕЙСНЕРА.

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.
1906.

СН6Г

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе автора	IX
Предисловіе редактора	XI

ПЕРВАЯ КНИГА.

Нравственность, какъ произведеніе силы. — Нрав-	
ственность общественныхъ соединеній	1

Первая глава.

Нравственность и сила	1
--	----------

Свобода воли, какъ основаніе традиціонной нравственности. —
Отсутствіе ея при болѣ важныхъ въ социальномъ отношеніи дѣй-
ствіяхъ. — Отношеніе ея къ дѣйствіямъ незначительнымъ. — Сущ-
ность ученія о нравственности.

Вторая глава.

Сущность нравственности.	3
---	----------

Приспособленіе къ соотношенію социальныхъ силъ. — Историче-
скія личности. — Обыкновенные люди. — Измѣненіе нравственной
оцѣнки.

Третья глава.

Соотношенія социальныхъ силъ	6
---	----------

1) Государственный и правовой порядокъ. — Расы и національ-
ности. — 2) Церковь. — 3) Сословія и профессиональныя группы. —
4) Партіи. — 5) Мнѣніе другихъ лицъ относительно дѣйствующаго
лица, иначе говоря, общественное мнѣніе. — Столкновеніе этихъ
соотношеній силъ.

Четвертая глава.

Измѣненіе соотношеній силъ.	13
--	-----------

Измѣненіе соотношеній силъ и нравственной оцѣнки. — Брутъ
и Кассій, Гармодій и Аристокитонъ. — Вліяніе этого измѣненія фак-
торовъ силы.

Пятая глава.

Совѣсть.	16
-------------------------	-----------

Сущность совѣсти. — Совѣсть Наполеона I. — Потомки закон-
ныхъ династій. — Историческая обусловленность совѣсти.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

СТРАН.

Мораль общественная и мораль индивидуальная . 19

Мораль общественных соединений и мораль индивидуальная.—
Виды общественных соединений.—Их отрѣшеніе отъ интересовъ личности.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Животныя. 21

Приниженность животных.—Исключеніе ихъ изъ союза правовой и нравственной защиты.—Отклоняющаяся отъ этого точка зрѣнія буддизма.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Расы и національности. 23

Расовый идеаль.—Вредное вліяніе расъ и національностей.—
Средство къ его устраненію.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Государство и церковь. 25

Верховенство государства надъ церковью.—Независимость обладателей высшей государственной власти отъ предписаній традиціонной нравственности.—Аналогичное положеніе средневѣковой церкви.—Положеніе низшихъ держателей власти.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Сословія и профессиональныя группы. 28

Подчиненіе сословій государству.—Наслѣдственныя сословія и профессиональныя группы.—Сила и нравственность наслѣдственныхъ сословій.—Профессиональныя группы.—Вліяніе сословныхъ и групповыхъ интересовъ вообще.

ОДИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Партіи. 31

Сущность партій.—Тридцатилѣтняя война.—Народныя партіи.—
Проявленія чрезмѣрнаго партійнаго духа.—Партійный фанатизмъ.

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Переходъ къ индивидуальной морали. 32

Свобода общественныхъ соединений отъ вѣлѣній традиціонной морали.—Доказательство этого положенія посредствомъ великихъ историческихъ событій.—Переходъ къ индивидуальной морали.

ВТОРАЯ КНИГА.

Индивидуальная мораль 34

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Воля и дѣйствіе. 34

Воля и дѣйствіе.—Воля общественныхъ соединений.—Воля отдѣльной личности.—Переоцѣнка доброй воли въ религіи.—Переоцѣнка ея въ религіозно-философскихъ системахъ морали (Кантъ).—Точка зрѣнія исключительно человѣческой морали.

Сущность индивидуальной морали. 37

Различіе между моралью общественных соединеній и моралью индивидуальной. — Основаніе этого различія. — Отказъ отъ обычныхъ представленій о нравственности.

Третья глава.

Вредъ для потомства 39

Отказъ отъ полного исчисленія добродѣтелей и пороковъ. — Обязанности по отношенію къ себѣ самому и по отношенію къ другимъ. — Самоубійство. — Обязанности по отношенію къ потомству.

Четвертая глава.

Любовь къ ближнимъ 42

Преувеличенное представленіе относительно общаго состоянія людей, принятое въ системахъ морали. — Положеніе мировыхъ религій. — Христіанская любовь къ ближнимъ: противорѣчіе между нравственными предписаніями и практикой. — Господство соотношеній социальныхъ силъ. — Конфуцій.

Пятая глава.

Ложь 46

Распространенность владчества лжи. — Ложь общественная и частная. — Общественная ложь. — 1) Политическая ложь. — 2) Религіозная ложь. — 3) Научная ложь. — Частная ложь. — Источникъ лжи — въ соотношеніяхъ социальныхъ силъ. — Воззрѣнія Канта.

Шестая глава.

Клятвопреступленіе 50

Клятвенное обѣщаніе и клятвенное показаніе. — Клятвенное обѣщаніе. — Клятвенное показаніе.

Седьмая глава.

Корыстолюбіе 53

Корыстолюбіе при социалистическомъ строѣ общества. — Вознагражденіе за трудъ и доходъ безъ затраты труда. — Малое развитіе корыстолюбія въ слояхъ народа, имѣющихъ неизмѣнный доходъ. — Борьба изъ-за дохода, получаемого безъ труда. — Безпредѣльность этой борьбы.

Восьмая глава.

Цѣломудріе 57

Отношеніе къ цѣломудрію трехъ мировыхъ религій. — Романтическая любовь. — Зависимость обыкновенной любви отъ соотношеній социальныхъ силъ.

Девятая глава.

Надменность 60

Сущность надменности. — Безуміе царей. — Высокомѣріе въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества, честолюбіе. — Смирненіе низшихъ классовъ народа. — Уменьшеніе высокомѣрія посредствомъ демократизаціи общества.

Объ улучшеніи нравственнаго состоянія . . . 63

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Предварительныя замѣчанія. 63

Зависимость улучшенія нравственнаго состоянія отъ измѣненія соотношенія социальныхъ силъ. — Проповѣдь болѣе высокой морали. — Примѣненіе этихъ обоихъ средствъ въ исламѣ, христіанствѣ и буддизмѣ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Христіанское ученіе о нравственности. . . . 66

Трудность положенія основателя религіи. — Христовъ и соотношенія социальныхъ силъ. — Зависимость ученія о нравственности отъ соотношеній силъ вообще.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Кантовское ученіе о нравственности 68

Кантъ и соотношенія социальныхъ силъ его времени. — Народолюбіе его общихъ основоположеній. — Враждебность къ народу его болѣе частныхъ воззрѣній. — Ученіе о нравственности для среднихъ людей.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Загробная жизнь. 71

Загробная жизнь въ философіи и религіи. — Отрицаніе политическаго значенія у представлений о загробной жизни. — Зависимость нравственности исключительно отъ соотношеній социальныхъ силъ.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Ученіе о нравственности Ницше. 73

Однородность нравственности въ европейско-американскомъ культурномъ кругу. — Аристократическій характеръ нашего современнаго строя силы и мощи. — Характеристика морали Ницше. — Его заблужденія.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Объ улучшеніи нравственнаго состоянія вообще. . . 77

Нравственная жизнь, какъ массовое явленіе, — результатъ соотношеній социальныхъ силъ. — Исключительная натуры. — Улучшеніе нравственнаго состоянія посредствомъ преобразованія соотношеній силъ. — Его цѣли.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Народное обученіе. 79

Народная школа, какъ полицейское учрежденіе. — Пробѣлы въ народномъ обученіи при введеніи социалистическаго строя. — Заполненіе ихъ наставленіемъ въ такъ называемыхъ обязанностяхъ по отношенію къ себѣ самому и по отношенію къ потомству.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Демократизація политическаго порядка силы и мощи. 82

Низкое состояніе морали общественныхъ соединеній. — Идеаль общественной морали. — Благотворное вліяніе политической демократіи на мораль общественныхъ соединеній и на мораль индивидуальную.

Демократизація економічного строю сили и мощи. 84

Сущность соціалізма.—Его вплив на мораль общественныхъ соединеній, на мораль индивидуальную.—Возобновленіе связи между правомъ и моралью.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Организація общественного мнѣнія 87

Неорганизованность общественного мнѣнія въ настоящее время.—Планъ его организаціи.—Уничтоженіе безусловной скрытности частной жизни.—Большее значеніе морали при соціалистическомъ строѣ общества.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Заключеніе 89

Соціализмъ не стремится къ ниспроверженію нравственного порядка.—Нравственность при господствѣ народныхъ религій.—Нравственность при господствѣ христіанства.—Нравственность при господствѣ соціализма.—Взглядъ на будущее.

СПбГУ

Предисловіе автора.

Философія до сихъ поръ въ своемъ тысячелѣтнемъ развитіи являлась выразительницей воззрѣній на міръ однихъ лишь богатыхъ и сильныхъ. Первоначально и вездѣ всѣ соловія объединяла связь общаго религіознаго міровоззрѣнія. Но когда съ теченіемъ времени въ болѣе духовно высокихъ слояхъ народа стало развиваться самостоятельное мышленіе о мірѣ и человѣкѣ, то философы по необходимости должны были положить въ основаніе своихъ теорій мнѣнія высшихъ общественныхъ круговъ, къ которымъ они сами принадлежали почти всѣ безъ исключенія. И какъ могли бы гордые философы древности, такой аристократъ, какъ Платонъ, такой наставникъ царей, какъ Аристотель, только подумать о томъ, чтобы воплотить въ своихъ системахъ воззрѣнія на міръ рабовъ и низкаго рода людей? И такъ все подъ давленіемъ существенно сходныхъ обстоятельствъ осталось и до сего дня.

Болѣе всего выступала противоположность между „высокимъ“ и „низкимъ“ естественно въ области права и нравственности; и на дѣлѣ философское ученіе о правѣ и нравственности представляетъ издавна картину безграничной односторонности. Однако, и остальные области философіи: ученіе о познаніи, метафизика, даже нѣкоторые отдѣлы философіи природы, сильно проникнуты этой великой противоположностью.

Выборъ проблемъ, ихъ разработка, недоступность изложенія — все это придавало до сихъ поръ всякой философіи либерально-аристократическій отпечатокъ.

Впервые со времени возникновенія социализма въ 19-мъ столѣтіи настолько поднялось могущество и степень созна-

тельности низшихъ классовъ народа, что основаніе истинно-народной философіи стало возможно и необходимо.

Въ самомъ дѣлѣ, Сень-Симонъ, Фурье и ихъ послѣдователи наряду съ чисто экономическими вопросами уже трактовали этическія, метафизическія и относящіяся къ теоріи познанія проблемы.

Однако, болѣе старый англійскій и новѣйшій нѣмецкій социализмъ ограничиваются по существу разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ, которые хотя и принадлежатъ къ числу главнѣйшихъ элементовъ социалистическаго міросозерцанія, однако далеко не исчерпываютъ всего содержанія послѣдняго. И совершенно несправедливо обозначаютъ этотъ полный пробѣловъ и односторонній социализмъ словомъ „научный“ въ смыслѣ его особаго превосходства.

Разсмотрѣвъ въ своемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ социалистическую систему права, я выпускаю теперь въ свѣтъ свое „Новое ученіе о нравственности“, которое должно представить въ самыхъ общихъ очертаніяхъ социалистическую систему нравственности.

Я намѣренъ, немного времени спустя послѣ изданія этого сочиненія, выпустить въ свѣтъ „Народную политику“ и, позднѣе, набросанное также съ социалистической точки зрѣнія „Ученіе о познаніи“. Разработку другихъ философскихъ дисциплинъ въ духѣ и смыслѣ широкихъ народныхъ массъ я долженъ, во всякомъ случаѣ, въ виду надвигающейся старости, предоставить болѣе молодымъ силамъ. И впервые тогда, когда будетъ готова цѣльная философская система социализма, станетъ ясно, что наша нынѣшняя философія, основанная, повидимому, на объективномъ опытѣ или даже на апріорныхъ данныхъ, находится въ дѣйствительности подъ глубочайшимъ вліяніемъ рѣзкихъ противорѣчій, существующихъ въ нашемъ обществѣ.

Авторъ.

Вѣна, іюнь 1905 г.

Предисловіе редактора.

Антонъ Менгеръ не только указаль на необходимость полной и цѣлостной системы соціалистическаго права и морали, но и первый попытался представить ея наиболѣе существенныя черты.

Въ этомъ отношеніи А. Менгеръ шелъ на встрѣчу безусловно назрѣвшей потребности. Цѣлый рядъ симптомовъ показываетъ на то, что подъ вліяніемъ парламентской борьбы въ рядахъ западно-европейской соц.-демократіи родились довольно одностороннія тенденціи. Онѣ развились въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, парламентская борьба съ ея отдѣльными практическими цѣлями, необходимостью компромиссовъ и легкими побѣдами на пути частичнаго и временнаго успѣха слишкомъ соблазнительно подѣйствовала на многихъ представителей соціализма и внесла въ ихъ среду политическій оппортунизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ мѣщанскую мораль и буржуазные нравы. Ревизионизмъ—не какъ экономическая доктрина, а какъ практическая готовность размѣнять великіе идеалы на мелкую монету и помириться на жалкихъ подачкахъ изъ буржуазнаго лагеря,—этотъ ревизионизмъ справедливо вызвалъ противъ себя настоящіе громы со стороны Бебеля въ дрезденскомъ Трианонѣ; и они были воистину заслужены. Такой оппортунизмъ есть не только отреченіе отъ пролетарской этики и предписанныхъ ею нормъ, онъ есть полный отказъ отъ міровоззрѣнія революціоннаго соціализма.

Съ другой стороны, сказалось увлеченіе парламентаризмомъ и на пропагандѣ соціалистическаго ученія среди широкихъ народныхъ массъ: здѣсь явилась замѣтная наклонность

смотрѣть на социализмъ только какъ на политическое ученіе, какъ на догму опредѣленной политической партіи. И даже тамъ, гдѣ массы пролетаріата оказываются прекрасно организованными для политической борьбы, приходится наблюдать серьезное противорѣчіе въ ихъ общемъ міровоззрѣніи. Въ политической области борьба за новую жизнь ведется съ глубокой принципиальностью и замѣчательной выдержкой. Рабочая партія обладает организаціей и дисциплиной, вызывающей удивленіе враговъ. Соц.-демократія объединяетъ въ своей сферѣ все большія пролетарскія массы въ братство свободы и труда, ведетъ къ побѣдѣ миллионы безнаслѣдныхъ. Но одной политической борьбы мало. Развитие социалистической этики и права, социалистической культуры и искусства оставляетъ желать слишкомъ многого: политически-сознательныя массы пролетаріата слишкомъ часто остаются внѣ области политики—подъ гнетомъ буржуазной морали и предразсудковъ, мѣщанскихъ суевѣрій и быта, скверныхъ пережитковъ лживой среды „просвѣщеннаго“ капитала.

Нѣтъ сомнѣнія, что полное освобожденіе пролетаріата отъ мертвящаго гнета буржуазныхъ традицій есть дѣло великаго переворота, который долженъ наступить вмѣстѣ съ увѣнчаніемъ зданія, съ полнымъ преобразованиемъ частной собственности и перестройкой на новыхъ началахъ всей общественной жизни, другими словами — съ воплощеніемъ въ жизнь всѣхъ требованій социалистической программы. Однако, уже теперь необходимо закладывать фундаментъ будущаго зданія. Надо вносить новые элементы высшей этики и культуры въ пролетарскую среду, а соц.-демократъ не долженъ ни на минуту забывать, что обращеніе социализма въ обычную партійную программу равняется его полному уничтоженію, а ограниченіе его дѣятельности одной только узкой политикой—полному отреченію отъ всѣхъ великихъ задачъ социализма, какъ предвозвѣстника новаго грядущаго міра; ибо соц.-демократія—больше, чѣмъ партія; она есть цѣлый классъ, несущій на своихъ плечахъ судьбы и прогрессъ человѣчества. Ея ученіе—не жалкая догма минутной политической эфемериды, не случайный всплескъ политическаго теченія, созданнаго въ коридорахъ палаты, родив-

шагося изъ общихъ нѣдръ мирнаго буржуазнаго строя. Нѣтъ, социализмъ обозначаетъ гибель всѣхъ старыхъ боговъ, перестройку всей социальной жизни, созданіе новыхъ цѣнностей и новаго міра свободы. Социализмъ есть міровоззрѣніе широкое, какъ міръ, и цѣльное, какъ древній космосъ. Однобокій социализмъ есть уродство, половинчатый социализмъ—его самоубійство. Соц.-демократъ въ парламентѣ и феодалъ у себя дома, депутатъ рабочей партіи съ одной стороны и сельскій паукъ-міроѣдъ съ другой—понятія столь же невозможныя, какъ представленія о классѣ благодѣтелей-капиталистовъ, добровольно сложившихъ свое могущество и власть къ ногамъ рабочихъ, какъ фантастическая идиллія насчетъ добрыхъ царей, по „своей волѣ“ отрекающихся отъ самодержавной власти и передающихъ ее своимъ „возлюбленнымъ“ подданнымъ. Правъ поэтому Менгеръ, когда онъ требуетъ полного законченнаго социализма, создаетъ самъ социалистическую систему права и морали и къ разработкѣ этики, метафизики и теоріи познанія призываетъ молодыхъ социалистическія силы. Мы вполне присоединяемся къ протесту Менгера противъ „односторонняго, полного пробѣловъ социализма“, но мы никакъ не можемъ съ нимъ согласиться, что именно „научный социализмъ“, какъ онъ принять и примѣняется на практикѣ въ германской партіи, является тѣмъ „одностороннимъ“ социализмомъ, противъ котораго съ такою рѣзкостью возстаетъ Менгеръ.

Напротивъ того, именно германская партія показываетъ намъ на яркомъ и живомъ примѣрѣ, что социализмъ есть знамя не одной лишь политической борьбы, но и борьбы культурной, что вокругъ него въ настоящее время сплотились всѣ, кому только дороги высшія блага современной цивилизаціи.

Когда въ реакціонномъ увлеченіи германское правительство желало провести совмѣстно съ католическимъ центромъ и прусскимъ юнкерствомъ законъ противъ свободнаго искусства, то кто другой, какъ не соц.-демократія стала во главѣ отчаяннаго похода за свободу художественнаго творчества. Не даромъ проф. Дельбрюкъ восклицалъ въ своихъ *Preussische Jahrbücher*, что если бы не было соц.-демократіи, то ее надо было бы выдумать для защиты нѣмецкаго генія...

И въ настоящее время не бюргерскія радикальныя партіи, не знаменитые „свободомыслящіе“ ведутъ въ первую линію борьбу за свѣтскую школу въ Пруссіи. Воодушевленные Бисмаркомъ во времена культуркампфа на бой съ католической теократіей, теперь либеральныя партіи буржуазіи заключили постыдный союзъ съ поповствомъ противъ свободы человѣческаго духа, готовы отдать пролетарскихъ дѣтей смиреннымъ отцамъ іезуитамъ. И только соц.-демократы возстали одни противъ этого возвращенія къ среднимъ вѣкамъ, противъ новой инквизиціи въ школахъ, противъ новаго царства духовнаго застѣнка. Нѣмецкая соц.-демократія далѣе не ограничивается борьбой за свободу науки и художества. Она является прямой наслѣдницей отжившаго либерализма въ дѣлѣ его былыхъ культурныхъ начинаній и просвѣтительной работы. Въ Берлинѣ уже дѣйствуетъ свободный театръ, созданный руками соц.-демократовъ, а въ его стѣнахъ нашло искусство свою настоящую аудиторію, свою вольную арену, своихъ настоящихъ руководителей. И не даромъ во время великихъ годовщинъ, когда Германія поминаетъ своихъ Кантовъ, Шиллеровъ и Гёте, въ одной лишь пролетарской средѣ эти праздники проходятъ съ такимъ искреннимъ, удивительнымъ подъемомъ. Въ то время, какъ буржуазія покинула свои лучшіе алтари ради грязнаго прилавка, новыя юношески-свѣжія и бодрія толпы наполнили оставленные храмы, сложили новые гимны въ честь воскресшихъ боговъ человѣческаго духа.

Нѣтъ, нельзя упрекать въ односторонности нѣмецкій научный социализмъ... Жаль только, что процессъ, отмѣченный нами для Германіи, еще слишкомъ слабъ и неполонъ, еще слишкомъ отгѣсненъ на второй планъ политической борьбой въ парламентахъ и возлѣ избирательной урны... Социализмъ есть цѣлое жизнепониманіе, полное преобразование жизни во всемъ ея цѣломъ, во всѣхъ ея отрасляхъ и видахъ. Соціалистическая мораль и пониманіе искусства, соціалистическое право и соціалистическій бытъ не долго заставятъ себя ждать. Лишь только уступить хоть нѣсколько современная реакція, и будетъ сдѣланъ необходимый шагъ на пути пролетарскаго освобожденія,—немедленно же выяснится и вся сила и вся широта соціалистическаго міропонима-

нія. Но и теперь уже эпохи тяжелой стачечной и профессиональной борьбы, так же как времена существования закона о социалистах, достаточно обнаруживают передъ всѣми высоту и силу пролетарской этики, лежащей въ основѣ дѣятельности массъ. И тѣмъ, кто въ настоящее время говоритъ и пишетъ объ этикѣ или морали, не слѣдуетъ забывать о тѣхъ проявленіяхъ „практическаго идеализма“, который въ безчисленныхъ формахъ такъ ярко характеризуетъ пролетаріатъ. Пусть измѣряютъ и оцѣняютъ г.г. моралисты ту громадную силу самоотверженія и братства, любви къ ближнему и вѣрности принципамъ, которыя нужны для проведенія хоть одной такой стачки, какъ стачка горнорабочихъ на Рурѣ или стачка ткачей и прядильщиковъ въ Криммичау. Пусть сравняютъ они эти условія постоянной голодовки и ожесточенной борьбы за существованіе въ средѣ рабочихъ съ обеспеченнымъ и покойнымъ бытомъ сытой буржуазной добродѣтели,—и, намъ думается, выводъ будетъ несомнѣненъ: только тамъ, въ пролетарской средѣ, объединенной социализмомъ, только тамъ въ настоящее время уцѣлѣли истинные герои долга, мужества и человѣчности, тамъ зрѣютъ сѣмена будущей социалистической этики, которая обновитъ весь міръ.

Правда, Антонъ Менгеръ въ своей книгѣ съ поразительной силой разоблачаетъ передъ нами всю гнусность и фальшь буржуазной добродѣтели. Въ замѣчательныхъ выраженіяхъ и краскахъ, со смѣлостью ученаго, идущаго въ своихъ выводахъ до конца, онъ обнажаетъ одну за другой отвратительныя язвы царства силы, которая душитъ народныя массы, словно крови напившійся вампиръ. Но странная вещь, Менгеръ не хочетъ видѣть въ этикѣ современнаго пролетаріата той этики будущаго, которая уже теперь является его предтечей. Менгеръ совершенно не умѣетъ различить въ современномъ пролетаріатѣ его двѣ стороны: въ качествѣ, во-первыхъ, одного изъ факторовъ современной социальной жизни, стоящаго въ рамкахъ капиталистическаго строя, и, во-вторыхъ,—единственнаго носителя идеи будущаго социалистическаго порядка. И подобная ошибка вытекаетъ у Менгера изъ всей его теоріи и соотвѣтствуетъ вполне противорѣчію, лежащему въ самыхъ ея основахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Менгеръ, чуждаясь матеріалистиче-

скаго пониманія исторіи, обоснованнаго на немъ принципа классовой борьбы и конечной побѣды пролетаріата, строить всю совокупность современныхъ отношеній въ цѣлостную систему чисто догматическаго, вмѣстѣ съ тѣмъ и статическаго характера, лишенную какихъ бы то ни было присущихъ ей изнутри живыхъ двигательныхъ, а вмѣстѣ прогрессивныхъ силъ. Для него современность есть въ громадной степени система, а не процессъ, а борьба классовъ является у него лишенной той опредѣленной и рѣзкой тенденціи, которую открылъ въ ней и научно обосновалъ марксизмъ. Потерявъ опору въ освободительномъ и культурномъ движеніи пролетаріата, Менгеръ сталъ искать исчерпывающую основу для объясненія классоваго государства въ принципѣ силы и мощи и этому началу безъ оговорокъ цѣликомъ подчинилъ все современное общество во всѣхъ его наслоеніяхъ и группахъ безъ исключенія. На мѣсто процесса развитія выступилъ ничего не говорящій механическій процессъ сочетанія отдѣльныхъ „соціальныхъ“ силъ. Факторами силы сдѣлались, далѣе, не только общественныя группы, но и такъ называемыя „историческія личности“. Мѣсто качественного различія въ соціальномъ строѣ, порождаемаго формами производства со всей ихъ сложной и качественно же различной надстройкой, заняло столь же пустое, какъ и формальное, начало силы, и къ этому началу свелъ Менгеръ столь различныя по существу вещи, какъ мораль двухъ борющихся классовъ, стоящихъ на противоположныхъ полюсахъ соціального сознанія.

Нравственность равняется силѣ. Приспособленіе къ силѣ и есть нравственность. Кто силенъ, тотъ и нравствененъ— вотъ основныя положенія, къ которымъ долженъ былъ бы Менгеръ совершенно послѣдовательно свести всю свою систему морали. И тамъ, гдѣ нашъ ученый послѣдователенъ на самомъ дѣлѣ, онъ такъ и поступаетъ, а мораль подвластныхъ съ такой точки зрѣнія является „моралью“ только тогда, когда она преисполнена послушанія, смиренія и преданности по отношенію къ господамъ угнетателямъ и эксплуататорамъ всякаго рода. Наоборотъ, столь же моральными оказываются и дѣйствія „народныхъ партій“, когда онѣ, достигнувъ тѣмъ или другимъ путемъ „силы“, становятся гос-

подами и совершаютъ въ свою очередь различныя „гнусности“ по отношенію къ своимъ беззащитнымъ и безоружнымъ врагамъ. Съ этой точки зрѣнія можно въ концѣ концовъ притти къ всеутѣшительному заключенію, что, во-первыхъ, кто палку взялъ, тотъ и капраль, а во-вторыхъ, все прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, такъ какъ во имя морали силы одни „морально“ добиваются власти, насильничаютъ, убиваютъ, гнетутъ и эксплуатируютъ, а другіе столь же „морально“ подчиняются, платятъ и работаютъ, умираютъ отъ голода и болѣзней, отдають на позоръ своихъ женщинъ и, что еще „моральнѣе“, водворяютъ силою штыковъ эту самую „мораль“ среди своихъ возставшихъ противъ нея братьевъ. Да здравствуетъ нравственность силы и звѣринаго сердца, мораль рабства и бронированнаго кулака...

Но Менгеръ, къ своей выгодѣ, послѣдовательнымъ не остается и, провозглашая нравственность равною силѣ, въ другомъ мѣстѣ онъ выставляетъ совершенно противоположное утвержденіе о томъ, что власть и безнравственность неразлучны. Мало того, подъ вліяніемъ невѣдомо откуда взятаго критерія, онъ предлагаетъ улучшить, усовершенствовать нравственное состояніе людей, нисколько не говоря о томъ, почему это улучшеніе нужно и какъ можно улучшить нравственность—силу, не замѣняя чѣмъ-нибудь другимъ ея основного принципа. Вѣдь улучшить нравственность по теоріи Менгера значитъ улучшить господство силы. Спрашивается теперь, какъ можно улучшить силу во имя самой силы? А если улучшеніе силы должно состоять въ новомъ распредѣленіи силъ, то спрашивается опять-таки, на какомъ основаніи силы однихъ заслуживаютъ предпочтенія передъ силой и властью другихъ. Принципъ силы самъ по себѣ никакихъ улучшеній не признаетъ, кромѣ упроченія и возрстанія силъ ужъ и безъ того сильныхъ. И на основаніи этого начала никоимъ образомъ нельзя власти приписывать безнравственность.

На самомъ дѣлѣ Менгеръ, какъ онъ это отчасти самъ признаетъ въ своемъ предисловіи, не у сильныхъ заимствуетъ свою мораль, а у слабыхъ, у тѣхъ самыхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, которые не мирятся съ господствомъ силы, а бунтуютъ противъ нея, не приспособляются къ ней,

а нарушаютъ всѣ ея требованія во имя своихъ великихъ цѣлей, во имя социалистическаго идеала. У „безнравственныхъ“, а не у „нравственныхъ“ и „добродѣтельныхъ“ съ точки зрѣнія силы беретъ Менгеръ свой моральной критерій и пользуется имъ для улучшенія господствующей нынѣ морали. Ихъ стремленія и цѣли притивоставляетъ онъ, какъ лучшее и высшее грубымъ тенденціямъ своекорыстныхъ эксплуататоровъ пролетарскаго труда. Только отъ коренной перестройки всѣхъ существующихъ отношеній силы въ духѣ социализма ожидаетъ онъ окончательнаго перерожденія въ смыслѣ нынѣшнихъ бунтовщиковъ и революціонеровъ; но, къ сожалѣнію, и здѣсь Менгера отдѣляютъ отъ надеждъ и ожиданій пролетаріата его увлеченія различными факторами „силы“ и преувеличенія ея значенія для общественной жизни.

Придавая чрезмѣрное значеніе историческимъ личностямъ, онъ не хочетъ видѣть въ то же время, что закономерный процессъ развитія современнаго хозяйства необходимо и неизбежно ведетъ насъ именно къ той перестройкѣ социальныхъ условій, которая дастъ намъ и новое общество и новое право, новую этику и новую культуру. Послѣ прочтенія книги Менгера о новой нравственности неотвратимо является мысль, что чисто политическіе факторы, факторы силы руководятъ въ стихійномъ процессѣ нашимъ движеніемъ къ будущему, впередъ. Капризное движеніе, исполненное случайныхъ причинъ, окрашиваетъ у Менгера мрачнымъ цвѣтомъ стремленія человечества къ окончательному освобожденію отъ социального рабства. Изъ-за деревьевъ мы не видимъ у него лѣса. Принципъ силы бросаетъ у него такую тѣнь на всѣ существенныя проявленія социального хода, что прямо исчерпываютъ подъ ея покровомъ тѣ могучія волны классовой борьбы, которыя влекутъ насъ къ открытому, свободному морю.

Мало того, у Менгера образуется какая-то пропасть между сегодняшнимъ и завтрашнимъ днемъ, несмотря на то, что завтра имѣетъ у него слишкомъ много сходства съ сегодня.

Судите сами: сила создаетъ этику. Силой являются, далѣе, идейные факторы, въ родѣ религіи, но всѣ эти силы обращаются опять-таки къ настоящему грубому кулаку и лишь

благодаря ему становятся силой. Самой настоящей и господствующей силой остается, однако, лишь самая грубая физическая сила, политическая мощь и юридическое принуждение. Спрашивается теперь, какъ можетъ произойти такой чудесный переворотъ, чтобы безсильные смогли свергнуть сильныхъ, и чтобы слабые сумѣли при помощи своей слабости овладѣть силой, находящейся въ рукахъ сильныхъ? Какъ возможно, чтобы поработанные, на слабости коихъ построена вся мощь и сила поработителей, чтобы они внезапно и неожиданно перестали подчиняться тѣмъ, кому служить тысячелѣтія, чтобы ихъ мораль, построенная на рабствѣ, дала имъ свободу, а силы, отданныя владыкамъ, стали ихъ собственностью вновь? Менгеръ разсчитываетъ для оправданія чуда на постепенную демократизацію строя, на чисто механической процессъ, который самъ собой путемъ постепеннаго перемѣщенія тяжести насыщаетъ силою все большіе и большіе круги слабыхъ, дѣлаетъ ихъ участниками царства власти и силы. Принципъ остается старый. Только мѣсто одного господина заступаютъ многіе, только растутъ, увеличивается число властвующихъ.

А подвластные?—Гдѣ же останутся они? гдѣ будетъ та сила, которая подниметъ и объединитъ ихъ противъ возросшихъ и объединившихся господъ? развѣ не усовершенствуется самъ механизмъ власти въ рукахъ у властвующихъ? развѣ не увеличатся безмѣрно ихъ силы? развѣ отдадутъ добровольно угнетатели свои утонченныя, усовершенствованныя, руками подвластныхъ скованныя средства для новой эксплоатации, новаго угнетенія, для созданія, наконецъ, новаго архидемократическаго царства классоваго деспотизма, классовой „мощи и силы?“

У Менгера нѣтъ необходимаго и неизбежнаго перехода къ новому обществу, нѣтъ законмѣрнаго историческаго процесса, ведущаго насъ къ возвѣщенному имъ земному раю. Возставая противъ нищенской морали господъ и морали рабовъ, онъ не даетъ намъ самъ ни доблести бунта, ни морали возмущенія. Говоря о необходимости радикально измѣнить общественныя условія для созданія новой нравственности и новаго права, онъ не даетъ намъ и не знаетъ самъ того экономическаго процесса, который одинъ перерабатываетъ эти условія и создаетъ

для нихъ почву. Отвергнувъ экономическій матеріализмъ, Менгеръ отвергъ вмѣстѣ съ тѣмъ закономѣрный историческій процессъ, который одинъ могъ бы дать ему оправданіе для всѣхъ его упованій.

Силѣ отдалъ Менгеръ владычество надъ человѣческимъ міромъ. Демократизированная сила должна дать намъ новое небо и новую землю. Пусть такъ. Спрашивается, однако, гдѣ гарантіи того, что демократизація должна совершиться, гдѣ ручательство въ томъ, что эта новая сила принесетъ новую мораль социализма, а не старый катехизисъ господства?

Менгеръ на это отвѣтитъ не можетъ. Мы отвѣтимъ за него. Развитіе формъ производства съ неизбежностью влечетъ перемѣны социальныхъ условій и связанныхъ съ ними и права, и морали, и культуры.

При современныхъ условіяхъ капиталистическаго производства пролетаріатъ является той новой силой, которой суждено сломить старый порядокъ путемъ классовой борьбы.

Въ пролетаріатѣ и его мировой организаціи подъ знаменемъ социализма зрѣютъ уже сѣмена той новой нравственности, которую водворить хочетъ Менгеръ, той новой надстройки, которая дастъ новый обликъ царству не силы, а свободы.

М. Рейснеръ.

С.-Петербургъ.
Въ январѣ 1906 г.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Нравственность, какъ произведеніе силы.—Нравственность общественныхъ соединеній.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Нравственность и сила.

Всякая нравственность, безразлично, осуществляется ли она государствомъ, церковью, общественнымъ мнѣніемъ или другимъ факторомъ общественной силы ¹⁾, необходимо предполагаетъ свободу человѣческой воли и дѣйствія. Для того, чтобы лицо могло подвергнуться юридической, религіозной или общественной отвѣтственности за свои поступки, надо допустить, что оно задумало и совершило ихъ по своему свободному соизволенію. Землетрясеніе, метеорологическія катастрофы и тому подобныя явленія природы никогда не рассматриваются съ моральной точки зрѣнія, хотя очень часто они несравненно глубже сказываются на человѣческой судьбѣ, чѣмъ самые безнравственные поступки.

Однако, та человѣческая свобода воли, на которой зиждутся столь многія правовыя, религіозныя и общественныя установленія, переходитъ повсюду въ свою противоположность, подъ вліяніемъ соотношеній социальныхъ силъ.

Каждый отдѣльный человѣкъ естественнымъ образомъ вырастаетъ прежде всего въ семью, гдѣ онъ получаетъ защиту отъ родителей и опекуновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

¹⁾ Сравни упомянутыхъ въ моемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ (I, 7) сторонниковъ теоріи силы въ области права и нравственности.

подчиняется ихъ руководству. Затѣмъ ихъ власть переходитъ въ значительной степени къ школѣ, по окончаніи которой громадное большинство вступаетъ обыкновенно въ періодъ подготовленія къ будущему призванію.

У мужчинъ къ этому періоду примыкаетъ военная служба, у дѣвушекъ — бракъ; и та и другой обычно не только продолжаютъ ихъ юношескую зависимость, но еще увеличиваютъ ее. И если индивидъ въ концѣ концовъ достигаетъ того, что мы въ нашей гражданской жизни называемъ обыкновенно „самостоятельностью“, то опять-таки его дѣйствія направляются словно невидимой проволокой его призваніемъ и примыкающимъ къ нему соотношеніемъ силъ, церковью и государствомъ. Такъ, великія народныя массы всѣхъ странъ оказываются и юридически и нравственно несвободными, и только относительно немногихъ людей и поступковъ можетъ быть вообще поставленъ вопросъ о свободѣ воли ¹⁾).

Такъ какъ сама очевидность учитъ, что соотношенія социальныя силъ управляютъ отдѣльными людьми въ ихъ поступкахъ, подобно маріонеткамъ въ кукольномъ театрѣ, то и проблемѣ о свободѣ человѣческой воли нельзя придавать часто приписываемаго ей большого значенія. И въ самомъ дѣлѣ, какую же важность можетъ имѣть свобода воли, если всякое отдѣльное лицо во всѣхъ его важнѣйшихъ дѣйствіяхъ опредѣляется и направляется окружающими его обстоятельствами? При разсмотрѣніи важныхъ практическихъ вопросовъ человѣкъ, какъ доказываютъ и безчисленныя статистическія изслѣдованія, является связаннымъ соотношеніями социальной силы безразлично отъ того, будемъ ли мы при этомъ теоретически разсматривать его какъ свободного или несвободнаго.

Конечно, въ доказательство свободы воли человѣка приводились зачастую извѣстныя незначительныя дѣйствія его, лежащія вдали отъ круга великихъ интересовъ человѣчества, которыя въ силу этого представляются предпринятыми совершенно свободно и независимо. Такъ, напр., говорятъ: „когда кто-нибудь выходитъ изъ дому, то вѣдь отъ его усмотрѣнія зависитъ пойти направо или налево“. Вполнѣ ли вѣрно,

---

¹⁾ Сравни. Паульсенъ: „Систематическая этика“, II, 9.

однако, подобное утверждение? Я думаю, что въ будни онъ навѣрно пойдетъ направо, къ мѣсту своей работы, а въ праздникъ—налѣво, на прогулку или въ какое-либо другое мѣсто отдыха. И если бы даже приверженецъ теоріи свободы воли захотѣлъ подобныя незначительныя дѣйствія разсматривать какъ свободныя, то все же останется всегда истиннымъ то обстоятельство, что важныя практически дѣйствія людей цѣликомъ направляются соотношеніемъ соціальныхъ силъ.

Ученіе о нравственности такимъ образомъ не указываетъ, какъ это принимаютъ многіе моралисты, на то, что обязанъ (soll) дѣлать человѣкъ, а на то, что онъ въ дѣйствительности дѣлаетъ и долженъ (muss) дѣлать подъ вліяніемъ соотношеній соціальной силы. Поэтому я набросаю здѣсь (въ книгѣ 1-й и 2-й) прежде всего статистическую картину нравственнаго состоянія общественныхъ соединеній и индивидовъ, не касаясь сначала нравственныхъ идеаловъ и постулатовъ. А такъ какъ это изложеніе во всякомъ случаѣ выяснитъ, что соотношенія соціальныхъ силъ и вмѣстѣ съ ними моральныя условія современности направлены къ благу узкаго круга людей, то затѣмъ будутъ разсмотрѣны средства (книга 3-я), при помощи которыхъ и сила и нравы могутъ быть направлены къ служенію интересамъ всѣхъ. При этомъ будетъ также удѣлено мѣсто и нравственнымъ идеаламъ и постулатамъ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сущность нравственности.

Нравственнымъ является тотъ, кто приспособляется къ соотношеніямъ соціальныхъ силъ, безнравственнымъ—тотъ, кто имъ сопротивляется. Такъ какъ соотношенія соціальныхъ силъ мѣняются съ теченіемъ времени, то очень часто тѣ лица и поступки, которые сегодня служатъ предметомъ восхваленія и восхищенія, завтра вызываютъ отвращеніе и клеймятся позоромъ. Совершенно особое положеніе по отношенію къ вопросу о нравственности занимаютъ историческія личности. Воспоминаніе о нихъ переживаетъ величайшія перемѣны въ соотношеніи соціальныхъ силъ, мало того, они

часто происходят благодаря ихъ воздѣйствію. Благодаря этому являются громадныя колебанія въ нравственной оцѣнкѣ подобныхъ людей въ различныя времена и у различныхъ народовъ.

Такъ, напр., греко-римскій языческій міръ, въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, весьма неблагопріятно относился къ Христу; и даже столь высоко развитые люди, какъ Тацитъ и Плиній Младшій¹⁾, отзываются о немъ и его ученіи съ явнымъ пренебреженіемъ. Когда же христіанство побѣдило языческое міровоззрѣніе и само легло въ основу всѣхъ соотношеній соціальной силы, то привязанность къ личности Христа дошла скоро до благоговѣйнаго его богочитанія. И даже теперь, когда опытная наука ведетъ скрытую, но непреодолимую борьбу съ христіанскою вѣрой въ чудеса, отъявленнѣйшіе противники христіанства не осмѣливаются умалять нравственную личность Христа, такъ какъ имъ препятствуютъ въ этомъ громадныя, тысячелѣтіями укоренившіеся факторы соціальной мощи.

Гораздо меньшаго успѣха достигъ Лютеръ, которому удалось привлечь на свою сторону лишь обломки западнаго христіанства. Поэтому еще и посейчасъ клеймимъ его официальное католичество именемъ похотливаго, клятвопреступнаго монаха, тогда какъ протестанты почитаютъ въ немъ обновителя христіанства.

Итакъ, если великія историческія личности по общему правилу могутъ апеллировать къ суду потомства на нравственный приговоръ своихъ современниковъ, то люди повседневности, слѣды дѣятельности которыхъ исчезаютъ вскорѣ послѣ ихъ смерти, прикрѣплены къ современности и ея даннымъ соотношеніямъ соціальныхъ силъ. Поэтому и должны они, если только желаютъ достигъ репутаціи нравственныхъ, подчиниться господствующимъ факторамъ силы, въ особенности же государству, церкви, порядку, строю частной собственности и семьѣ; тогда они считаются лояльными гражданами, благочестивыми христіанами, честными людьми, нѣжными мужьями и отцами семействъ. Конечно, во всякую эпоху найдутся люди и партіи, которые воспринимаютъ это

---

¹⁾ Тацитъ: „Анналы“, XV, 44; Плиній: „Письма“, X, 96 и др.

приспособленіе къ господствующимъ отношеніямъ силы — какъ малодушное подчиненіе имъ, но громадное большинство считаетъ повсюду это приспособленіе и нравственнымъ и похвальнымъ.

Вполнѣ естественно, что эти нравственныя оцѣнки должны были бы немедленно исчезнуть вмѣстѣ съ измѣненіемъ лежащихъ въ ихъ основѣ соотношеній соціальной мощи. Стоитъ только себѣ представить, что анархизмъ на нѣкоторое время побѣдилъ бы нашъ нынѣшній общественный строй. Тогда эти лойяльные, благочистивые, честные, нѣжные живо превратились бы въ трусовъ и глупцовъ.

Подобный переворотъ въ нравственныхъ оцѣнкахъ, конечно въ меньшемъ объемѣ, пережила Франція въ эпоху великой революціи. Со времени штурма Бастиліи (14 іюля 1789 года) только тѣ граждане считались у подавляющаго большинства французовъ добродѣтельными, которые обнаруживали возможно крайній, революціонный духъ. Но уже съ паденія Робеспьера, а еще болѣе со времени удавшагося Бонапарту государственнаго переворота (9 ноября 1799 г.), ясно показавшаго превосходство физической силы надъ неорганизованными народными массами, все это радикально измѣнилось; стало общимъ явленіемъ стыдиться своихъ революціонныхъ взглядовъ и дѣйствій и замалчивать ихъ. Такое состояніе умовъ продолжалось до Іюльской революціи (1830), которая возвела на тронъ баррикаднаго короля и доставила революціонному образу мыслей во Франціи высокое нравственное признаніе. Подобный же опытъ относительно нравственной оцѣнки революціи и революціонныхъ взглядовъ продѣлали также и остальные европейскіе народы въ ихъ слабыхъ подражаніяхъ великому французскому движенію.

Такъ какъ захватъ и удержаніе власти во времена кризисовъ зависитъ часто отъ весьма незначительныхъ обстоятельствъ, въ родѣ своевременно сломанныхъ воротъ или опозданія кого-либо на нѣсколько минутъ, то въ подобныхъ случаяхъ нравственный приговоръ важнѣйшимъ событіямъ всецѣло зависитъ отъ случая. Если бы сербской королевской четѣ въ ночь ея умерщвленія съ 10 на 11 іюня 1903 г. удалось скрыться изъ бѣлградскаго конака, то заговорщики-офицеры были бы легко побѣждены и навѣрно казнены, а

ихъ образъ дѣйствій былъ бы основательно осужденъ и заклеименъ во всѣхъ сербскихъ церквахъ, судахъ, школахъ и газетахъ, да и во всемъ свѣтѣ. Но такъ какъ различныя благопріятныя случайности помогли офицерамъ совершить быстро и основательно ихъ дѣло, то и народное представительство страны воздало имъ хвалу, какъ спасителямъ отечества, а ихъ дѣло прославило, какъ геройскій подвигъ; такъ новой династіи, основавшей свое господство въ ту кровавую ночь, не остается ничего иного, какъ приложить старанія къ тому, чтобы свершившееся убійство короля вызывало какъ въ Сербіи, такъ и за границей хвалу и восхищеніе и считалось бы нравственнымъ поступкомъ. Конечно, въ культурномъ мірѣ нашлось нѣсколько педантовъ, которые не хотѣли признать, что сила и нравственность по существу тождественны, однако ихъ обвинительный приговоръ остался безъ всякаго значенія, въ виду того, что данное событіе нашло всеобщее признаніе и одобреніе.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Соотношенія соціальныхъ силъ.

Такъ какъ нравственность цѣликомъ основывается на соціальныхъ отношеніяхъ силы, то слѣдуетъ теперь же подвергнуть ихъ послѣдовательному разсмотрѣнію. Конечно, сюда относятся лишь тѣ факторы силы и тѣ ея отношенія, которые на дѣятельность людей оказываютъ сильное и длительное вліяніе.

Важнѣйшими факторами соціальной силы являются въ настоящее время слѣдующіе:

- 1) Государственный и правовой порядокъ. Государство и право сдѣлались теперь, послѣ паденія церковнаго вліянія, величайшей соціальной силой. И то и другое имѣютъ отношеніе лишь къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя могутъ быть вынуждены лицомъ, имѣющимъ на то право, отъ другого, обязаннаго ихъ исполнить, въ крайнемъ случаѣ съ примѣненіемъ физической силы, будетъ ли то, какъ въ древнія времена, путемъ самоуправства, или, какъ въ позднѣйшее время,—

государственного вмѣшательства. Такъ какъ въ области права и государства за каждымъ предпринимаемымъ поступкомъ стоитъ, по крайней мѣрѣ мысленно, угроза принужденія, то здѣсь даже неопытному взгляду трудно не замѣтить взаимной связи между силой и нравственностью. А такъ какъ матеріальное принужденіе является вѣрнѣйшей порукой въ исполненіи нравственнаго дѣйствія, то такіа общества, какъ церковь или профессиональные классы, у которыхъ первоначально не было въ распоряженіи принудительной силы, стремились въ теченіе своего позднѣйшаго развитія примѣнять къ своимъ членамъ, по крайней мѣрѣ, косвенное принужденіе.

Государство и право обнимаютъ три главныхъ области: область государственнаго устройства и управленія, имущественный порядокъ и семейный строй. Въ этихъ областяхъ проходитъ жизнь индивида съ его рожденія и до смерти, и его важнѣйшія дѣйствія какъ разъ направляются установленными здѣсь правовыми нормами, а также стоящимъ за ними принужденіемъ.

Было бы, однако, совершенно ошибочнымъ допустить поэтому, что государство и право имѣютъ власть только надъ дѣйствіями, подлежащими принужденію; напротивъ того, въ силу одного уваженія къ нимъ обоимъ, совершается безъ принужденія огромное множество поступковъ, которые такимъ образомъ принадлежатъ уже къ области чистой нравственности. Монархъ, вся роль котораго сводилась бы къ назначенію министровъ и чиновниковъ, къ санкціи законовъ, объявленію войны и другимъ опредѣленнымъ въ конституціи правамъ и обязанностямъ, долженъ былъ бы казаться людямъ лишь тѣнью короля; принадлежностью истиннаго короля считаются триумфальныя ворота, кричаніе „ура“ и другія безчисленныя проявленія вѣрности и преданности, къ которымъ никого нельзя было бы насильно принудить. Дворянство, духовенство, чиновники и офицеры пользуются со стороны своихъ согражданъ такимъ уваженіемъ и почитаніемъ, какихъ не предписано ни въ одномъ законѣ. И богатые требуютъ во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ отъ лицъ, находящихся въ худшемъ имущественномъ положеніи, не только признанія своихъ имущественныхъ правъ, но еще

уваженія и готовности къ самопожертвованію, за что оплачиваютъ чѣмъ бы то ни было лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Говоря короче, семья, которая захотѣла бы, отрѣшившись отъ любви и снисхожденія, ограничиться исполненіемъ лишь того, что вынуждается у нея правомъ, показалась бы намъ прямо карриатурой.

Всѣ такія дѣйствія, не будучи вынуждаемы, вызываются, однако, господствующимъ государственнымъ и правовымъ порядкомъ; поэтому они также должны разсматриваться, какъ нравственныя дѣйствія.

Подобное же вліяніе, какъ государство и право, оказываютъ на нравственность раса и національность (см. ниже I, 8). Обыкновенно обѣ эти жизненныя формы совпадаютъ въ своемъ отношеніи къ нравственности, такъ какъ большая часть государствъ преслѣдуетъ цѣли одной преобладающей расы или національности. И то сознаніе, что государство и господствующая національность составляютъ единство, это сознаніе обычно значительно увеличиваетъ насильственность и коварство политики руководящихъ лицъ. Тамъ же, гдѣ государство стремится подавить извѣстную расу или національность, образуется, воплнѣ естественно, особая расовая или національная мораль, которая оказываетъ на человѣческіе поступки едва ли меньшее вліяніе, чѣмъ въ средніе вѣка оказывалъ религіозный фанатизмъ. Здѣсь не нужно приводить особенныхъ примѣровъ, потому что всякій знаетъ, насколько расовое и національное чувство является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современной нравственности.

Наряду съ государствомъ и правомъ является въ качествѣ дальнѣйшаго фактора силы:

2) Церковь. Христіанская церковь, почти непрерывно гонимая римскимъ государствомъ въ первыя столѣтія нашей эры, первоначально совершенно естественно представляла собой свободное сообщество безъ принудительной силы. Въ средніе вѣка церковь подчинила системѣ строгихъ наказаній всѣ дѣйствія своихъ сочленовъ—безразлично отъ того, относятся ли эти дѣйствія по нашимъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ къ области принужденія или свободной нравственности; въ силу этого органы церкви могли налагать на вѣрующихъ за нихъ безнравственные или противозаконные поступки денеж-

ные штрафы, подвергать их тюремному заключению и даже, посредственно, осуждать на смерть. Такимъ образомъ въ прежнее время такое нравственное сообщество, какъ церковь, пользовалось значительной частью той принудительной силы, которая принадлежитъ нынѣ исключительно государству. Эпитиміи, налагаемыя католической церковью при исповѣди, являются въ настоящее время, конечно, не болѣе, какъ слабой тѣнью прежняго. Въ концѣ концовъ современные протестантскія церкви почти совершенно отказались отъ принудительной нравственной дисциплины и стремятся лишь къ тому, чтобы поощрить нравственность при помощи проповѣди, увѣщанія и примѣра.

Все же вліяніе церкви еще и въ настоящее время достаточно велико, чтобы привлечь вѣрующихъ къ исполненію безчисленныхъ обрядовъ, напр., къ посѣщенію богослуженія, а также чтобы до извѣстной степени вліять на ихъ поведение. И эти вызываемыя властью церкви дѣйствія, при обычномъ ходѣ вещей, считаются нравственными. Конечно, между церковью и государствомъ возникаютъ конфликты изъ-за власти; тогда и обѣ господствующія системы нравственности вступаютъ въ столкновеніе, которое до сихъ поръ обыкновенно оканчивалось благопріятно для церкви, такъ какъ ея власть является въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ болѣе старой и солидной, чѣмъ власть государства. Чтобы привести примѣръ изъ совсѣмъ послѣдняго времени, припомнимъ, что въ эпоху прусскаго культуркампфа почти всѣ епископы были смѣщены правительствомъ, однако это не помѣшало всѣмъ вѣрующимъ католикамъ признавать ихъ духовную власть въ той же мѣрѣ, какъ и ранѣе.

Третьимъ факторомъ силы, порождающимъ особую нравственность, являются:

3) Профессиональныя группы. Первоначально профессиональныя группы составлялись изъ лишенныхъ взаимной связи индивидовъ, которые, однако, въ послѣдствіи во многихъ случаяхъ объединялись и создавали для себя особую нравственность.

Таковыми группами могутъ еще и въ настоящее время считаться: дворянство, духовенство, военное сословіе, чиновничество, адвокаты, врачи и промышленники. Такъ какъ такой

классъ или сословіе находится въ тѣснѣйшей связи съ важнѣйшими жизненными цѣлями индивида, а именно съ его хозяйственными и социальными интересами, то естественно, что государственная и церковная нравственность вытѣсняется моралью группы. Стоитъ только припомнить забавный и вмѣстѣ съ тѣмъ противный споръ по поводу дуэли, которая строго запрещена и наказуется по государственнымъ и церковнымъ законамъ, а между тѣмъ сильные міра сего, которымъ нужно держать офицерство въ хорошемъ расположеніи духа, не только разрѣшаютъ дуэли, но очень часто поощряютъ ихъ всяческими способами.

Нѣкоторые привилегированныя профессіи, каковы, напр., офицерское, чиновничье и адвокатское сословія, осуществляютъ надъ своими сочленами дисциплинарную власть, т.-е. они надзираютъ за ихъ дѣятельностью въ сословіи и въ частной жизни и могутъ, въ случаѣ нарушенія ими правилъ сословной нравственности, налагать на нихъ дисциплинарныя взысканія, доходящія въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ до исключенія изъ сословія. Благодаря этому въ рукахъ привилегированныхъ сословій оказывается сила, способная навязать свою сословную мораль и сословный эгоизмъ остальнымъ классамъ народа даже при помощи средствъ внѣшняго принужденія. При этомъ страдаютъ именно такъ называемыя низшія сословія (горожане, крестьяне и рабочіе), которыя совершенно лишены подобной организаціи.

Дальнѣйшимъ источникомъ нравственности, хотя и стоящимъ по своему значенію и объему позади вышеперечисленныхъ, являются:

4) Партіи, которыя могутъ быть подраздѣлены сообразно своимъ цѣлямъ на политическія, религіозныя, экономическія и художественныя. Каждая партія порождаетъ среди своихъ сочленовъ особую партійную мораль.

Такъ какъ большая часть партій стремится не только къ своему собственному самосохраненію, но и къ преобразованію установленій, существующихъ въ государствѣ, церкви и обществѣ, то сообразно съ этимъ партійная мораль по общему правилу значительно уклоняется въ сторону отъ нравственности остальныхъ общественныхъ соединеній. Если партія къ тому же держитъ свои цѣли и свою дѣятельность

въ тайнѣ, то часто можетъ возникнуть страшная противоположность между партійной моралью и общей нравственностью. Стоитъ лишь вспомнить анархистскія секты нашего времени и ихъ „пропаганду дѣйствіемъ“.

Во времена бурной борьбы партій мораль ихъ довольно часто вытѣсняетъ нравственность остальныхъ сообществъ. Такъ надъ всѣми остальными факторами нравственной силы доминировала въ Германіи въ эпоху реформации до конца тридцатилѣтней войны конфессіональная партійная мораль, а во Франціи въ эпоху великой революціи, когда клубъ якобинцевъ часто былъ могущественнѣе правительства,—политическая партійная мораль.

Но въ спокойныя времена вліяніе партійной морали на общественную жизнь не очень велико. Правда, нѣкоторыя партіи стремятся укрѣпить его тѣмъ, что онѣ договорнымъ путемъ предоставляютъ партійнымъ органамъ дисциплинарную власть надъ своими сочленами, подобно тому, какъ это даровано государственными законами покровительствуемымъ сословіямъ. Но такъ какъ самое суровое дисциплинарное наказаніе, а именно исключеніе изъ партіи, ведетъ за собою для наказаннаго далеко не такія экономическія и соціальныя потери, какъ исключеніе изъ профессиональной группы, то только въ рѣдкихъ случаяхъ удастся партіямъ навязать свою партійную мораль остальнымъ слоямъ народа. Хорошо извѣстный примѣръ такого рода представляютъ собой профессиональные союзы промышленныхъ рабочихъ, которые во многихъ культурныхъ странахъ принудили предпринимателей, а также и остальные классы народа къ признанію до извѣстной степени своихъ нравственныхъ воззрѣній на отношенія труда.

Наконецъ, какъ на пятый и послѣдній источникъ нравственнаго закона, долженъ я еще указать на:

5) Мнѣніе другихъ лицъ относительно лица дѣйствующаго, или, иначе говоря, общественное мнѣніе. Поведеніе индивида въ широкихъ размѣрахъ определяется мнѣніемъ другихъ лицъ. Родство, дружба, любовь, даже чисто внѣшнее отношеніе знакомства имѣютъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что поведеніе родственника, друга, возлюбленнаго, знакомаго находится въ зависимости отъ одобренія

его близкихъ. Въ этомъ смыслѣ имѣеть величайшее значеніе положеніе знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. Во всякой большой монархіи найдутся тысячи вполне независимыхъ лицъ, которыя, несмотря на это, добровольно ставятъ важнѣйшія свои дѣйствія въ зависимость отъ взглядовъ и наклонностей монарха. Когда императрица Евгенія, въ 1856 г., надѣла кринолинъ, чтобы сдѣлать свою беременность не особенно замѣтной, то ея примѣру послѣдовали сначала французскія, а затѣмъ и всѣ европейскія дамы, даже если онѣ и не были въ интересномъ положеніи. А что подобное добровольное подчиненіе рѣшенію сильнаго можетъ повлечь за собою и трагическія послѣдствія, показываетъ тотъ извѣстный фактъ, что Расинъ, величайшій трагическій писатель Франціи, совершенно серьезно разъ огорчился на-смерть, когда онъ по какому-то ничтожному поводу потерялъ благоволеніе своего короля-солнца.

Подобнымъ же, хотя и ограниченнымъ вліяніемъ на поведеніе своихъ согражданъ пользуются и другія выдающіяся личности.

Вліяніе общественнаго мнѣнія является еще болѣе важнымъ, чѣмъ воздѣйствіе отдѣльныхъ личностей на ихъ согражданъ. Между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ на массы воздѣйствуютъ преимущественно знатныя и вліятельныя лица, здѣсь эти массы имѣютъ въ общественномъ мнѣніи дѣйствительное средство для руководства поведеніемъ сильныхъ міра сего, жаждущихъ похвалы и уваженія. Въ 18-мъ и 19-мъ столѣтіяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ общественное мнѣніе нашло себѣ всегда готовые органы въ газетной прессѣ, публичныхъ обществахъ и собраніяхъ, вліяніе его весьма усилилось и, благодаря его постоянно отрицательному отношенію къ господствующимъ порядкамъ въ государствѣ, церкви и обществѣ, оно подготовило великіе перевороты этой эпохи. И въ этой оппозиціи могутъ участвовать всѣ, даже наиболѣе униженные, а не только тѣ, кто являются причастными государственной, церковной, сословной или партійной мощи.

И вотъ посреди всѣхъ этихъ перекрещивающихся и противорѣчивыхъ предписаній нравственности находится всякое дѣйствующее лицо со своей неотвязной потребностью въ скоромъ и цѣлостномъ разрѣшеніи всѣхъ моральныхъ вопро-

совѣ. Какъ должно поступать оно въ случаѣ противорѣчія, согласно съ чѣими повелѣніями должно оно дѣйствовать, съ велѣніями ли государства, церкви, сословія, партіи или общественнаго мнѣнія? Моралисты, конечно, совѣтуютъ чело-вѣку заботливо прислушиваться къ голосу своей совѣсти, но въ столь затруднительныхъ случаяхъ она врядъ ли когда-либо сумѣетъ сказать ему что-либо опредѣленное. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что святые всѣхъ религій столь охотно убѣгали изъ этого нравственнаго лабиринта въ тишину пустынь и лѣсовъ. Само собою, что обыкновенный чело-вѣкъ въ самихъ своихъ страстяхъ и интересахъ имѣетъ всегда готовую руководящую нить для того, чтобы сдѣлать выборъ среди данныхъ нравственныхъ возможностей. Но тотъ, кто захотѣлъ бы подчинить совершенно свою дѣятельность велѣніямъ нравственности, кто захотѣлъ бы всегда поступать добродѣтельно, тотъ очень скоро убѣдился бы, что добродѣтель и въ этомъ смыслѣ является гораздо болѣе трудной и запутанной проблемой, чѣмъ порокъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Измѣненіе соотношеній силъ.

Если нравственность заключается въ приспособленіи къ существующимъ соотношеніямъ силъ, то съ измѣненіемъ ихъ должна измѣняться и нравственная оцѣнка. Такъ, напр., благочестивые восторги средневѣковыхъ святыхъ, ихъ посты и бичеванія, которымъ такъ удивлялся тогдашній міръ, теперь, съ паденіемъ власти католической церкви, постепенно и почти совершенно потеряли свою моральную цѣнность. И такъ же вѣрно, что люди будущаго, когда право собственности перестанетъ существовать, будутъ смотрѣть съ состраданіемъ и презрѣніемъ на стремленія людей нашего времени, направленные почти исключительно на приобрѣтеніе. Поэтому нѣтъ большаго заблужденія, какъ говорить о вѣчно неизмѣнныхъ нравственныхъ законахъ: напротивъ того, они такъ же преходящи, какъ и соотношенія силъ,

и обладают только тогда продолжительнымъ существованіемъ, если эти послѣднія обладаютъ достаточно цѣпкой природой. Наиболѣе прочными являются нравственныя понятія, относящіяся къ области имущественнаго и семейнаго строя, такъ какъ эти послѣднія сами остались почти безъ перемѣнъ въ теченіе тысячелѣтій. Вѣрный мужъ, хорошій отецъ семейства—это такія качества, которыя издавна высоко цѣнились и въ измѣненной формѣ сохраняютъ свою цѣнность и послѣ преобразованія нашего общественнаго строя. Стали уже болѣе шаткими тѣ моральныя предписанія, которыя относятся къ правительству, церкви, сословіямъ, такъ какъ всѣ они сами въ процессѣ историческаго развитія претерпѣваютъ коренныя измѣненія, которыя одновременно ниспровергаютъ и силу ихъ и нравственность. Особенно быстрому измѣненію подлежатъ нравственныя предписанія со стороны партій и общественнаго мнѣнія. Здѣсь является буквально вѣрнымъ, что тѣ поступки, которымъ сегодня удивляются и которыхъ добиваются всѣми мѣрами моральнаго принужденія, завтра становятся неимѣющими значенія и даже предосудительными.

Возьмемъ два случая, гдѣ дѣло касается переворотовъ въ высшихъ областяхъ государства, и гдѣ поэтому факты установлены точнѣе, чѣмъ при какихъ-либо маловажныхъ проявленіяхъ гражданской жизни. Если бы Брутъ и Кассій обнажили свои кинжалы противъ Юлія Цезаря тогда, когда онъ (въ 49 году до Р. Хр.), перейдя чрезъ Рубиконъ, тѣмъ самымъ объявилъ себя мятежникомъ и государственнымъ преступникомъ, если бы они, далѣе, спасли своимъ поступкомъ Римскую Республику, то навѣрно въ позднѣйшія времена ихъ прославляли бы, какъ Гармодія и Аристокитона, въ качествѣ избавителей отечества отъ тиранніи. Въ то время, однако, когда они умертвили великаго Юлія (въ 44 году до Р. Хр. въ мартовскія иды), онъ побѣдой надъ своими противниками и благодаря цѣлому ряду неслыханныхъ правонарушеній успѣлъ достигъ уже высшей власти и такъ измѣнилъ соотношенія силы въ римскомъ государствѣ, что сохраненіе республиканскаго строя сдѣлалось невозможнымъ. Вслѣдствіе этого ихъ маски нельзя было нести при позднѣйшихъ императорахъ въ погребальныхъ

процессіяхъ членовъ ихъ рода ¹⁾, и Данте имѣлъ основаніе засадить ихъ, какъ величайшихъ предателей, въ самую глубину своего ада, гдѣ находится самъ Люциферъ, до половины погруженный въ ледъ ²⁾).

Гораздо благопріятнѣе были всѣ соотношенія соціаль-ныхъ силъ, когда Гармодій и Аристокитонъ убили Гиппарха, одного изъ двухъ аѣнскихъ тирановъ, такъ какъ это дѣяніе привело къ восстановленію республики въ Аѣинахъ, которая и утвердилась затѣмъ на сотни лѣтъ. Поэтому они и были прославлены греческимъ народомъ и его величайшими поэтами, какъ герои и спасители свободы. А если бы они направили свои кинжалы двумя столѣтіями позднѣе, противъ одного изъ тѣхъ солдатскихъ королей, которые послѣ смерти Александра Великаго угнетали Грецію и Аѣины несравненно сильнѣе, чѣмъ древніе тираны, то врядъ ли бы имъ досталась лучшая нравственная оцѣнка современниковъ и потомства, чѣмъ Бруту и Кассію. Изъ изложеннаго ясно, что къ господству надъ человѣческими поступками стремятся не только различныя въ одно и то же время, а часто и противорѣчивыя предписанія морали, и что сами они подлежатъ съ теченіемъ времени серьезнымъ перемѣнамъ. Поэтому тотъ, кто хочетъ поступать нравственно и хочетъ признанія этого со стороны своихъ ближнихъ, тотъ долженъ зорко слѣдить за непрерывнымъ измѣненіемъ соотношеній общественныхъ силъ, и съ этой лишь точки зрѣнія можно вмѣстѣ съ Сократомъ называть добродѣтель — знаніемъ. Нашелся ли бы въ эпоху великой революціи, даже въ одной изъ отдаленнѣйшихъ деревушекъ Франціи, такой человѣкъ, который часто не мѣнялъ бы правилъ своего поведенія? Но даже въ спокойныя времена всякому дѣйствующему человѣку приходится безпрестанно преобразовывать и дополнять систему своихъ нравственныхъ воззрѣній. Среди всѣхъ мукъ и тягостей старческаго возраста, конечно, далеко не ничтожной является та, что долгая жизнь старца постоянно все болѣе вросается въ иную эпоху съ совершенно измѣнившимися отношеніями силы и понятіями о

¹⁾ Тацитъ: „Анналы“, III, 76.

²⁾ Данте: „Адъ“, 34 пѣснь.

нравственности, чѣмъ его. А такъ какъ людская глупость наигрывала въ его юности на нравственныхъ понятіяхъ, какъ на самой твердой опорѣ человѣческой жизни, то въ большинствѣ случаевъ онъ на склонѣ своихъ дней бываетъ готовъ вмѣстѣ съ плотникомъ Антономъ въ „Маріи Магдалинѣ“ Геббеля воскликнуть: „Міръ, я перестаю тебя понимать!“

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Совѣсть.

Значеніе того, что мы называемъ совѣстью, сильно переоцѣнивалось уже давно и въ теоріи и на практикѣ. Обвѣянные религіознымъ духомъ философы любятъ называть совѣсть внутреннимъ голосомъ въ насъ Бога. Также и Кантъ говоритъ въ заключеніи своей „Критики практическаго разума“, что двѣ вещи наполняютъ душу вѣчно новымъ и все возрастающимъ восхищеніемъ и благоговѣніемъ по мѣрѣ того, чѣмъ чаще и чѣмъ продолжительнѣе останавливается на нихъ наша мысль: „Звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ“. И все-таки въ своей основѣ совѣсть—очень прозаическое явленіе и совершенно лишена той величественной поэзіи, которую приписываютъ ей религія, философія и искусство всѣхъ временъ.

Разъ добродѣтель заключается въ приспособленіи къ соотношеніямъ соціальныхъ силъ, а грѣхъ и преступленіе—въ противодѣйствіи имъ, то по своей сущности совѣсть можетъ быть опредѣлена только какъ страхъ передъ дурными послѣдствіями подобнаго противодѣйствія. Поэтому всемогущій Богъ не могъ бы обладать даже слѣдами человѣческой совѣсти. А среди людей сила и совѣсть находятся, понятно, въ обратномъ отношеніи: чѣмъ болѣе блестяще развивается мощь отдѣльнаго лица, тѣмъ менѣе будетъ онъ бояться соціальныхъ послѣдствій своихъ поступковъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ въ своей дѣятельности задерживаться сомнѣніями своей совѣсти. Напротивъ того, средніе и низшіе классы народа приучаются къ страху и почтенію передъ соціальными силами уже со времени ихъ юности, благодаря

воспитанію дома и въ школѣ, а еще болѣе въ позднѣйшую эпоху своей жизни, благодаря собственному ихъ опыту, такъ какъ имъ рѣдко сходитъ даромъ съ рукъ противоудѣйствіе существующимъ соотношеніямъ социальныхъ силъ. Конечно, есть и такія области общественной жизни, въ которыхъ сильнымъ и знатнымъ, вслѣдствіе ихъ виднаго положенія, приходится гораздо болѣе бояться за себя, чѣмъ слабымъ и безвѣстнымъ, и гдѣ поэтому замѣтны также слѣды болѣе тонкаго развитія совѣсти.

Для провѣрки этихъ положеній возьмемъ совѣсть Наполеона I, наиболѣе могущественнаго человѣка въ новое время. Путемъ преступленія онъ достигъ высшей власти во Франціи, своими войнами онъ умертвилъ $2\frac{1}{2}$ милліона французовъ и навѣрно не менѣе того ихъ враговъ,—и вотъ, карточный домикъ его могущества разсыпался безслѣдно въ дни пораженій подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо. Однако, напрасно стали бы мы искать во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ изліяніяхъ о его прошедшей жизни, которыя онъ сдѣлалъ въ плѣну на островѣ Св. Елены, хотя бы слѣдовъ раскаянія въ бесполезно пролитыхъ потокахъ крови. Въ извѣстной дрезденской бесѣдѣ съ Меттернихомъ (26 іюня 1813 года), которая повела за собой объявленіе Австріей войны Франціи, Наполеонъ открыто признался, что для такого человѣка, какъ онъ, имѣетъ очень мало значенія, погибнетъ ли еще лишній милліонъ людей, или нѣтъ. А между тѣмъ онъ, по своему воспитанію и социальному положенію, былъ во дни своей юности наставленъ въ обычной морали средняго и низшаго сословія. У потомковъ законныхъ династій, каковы, напр., Людовикъ XIV, Фридрихъ II и Марія Терезія, которые погубили въ своихъ войнахъ несмѣтное множество людей, такое отсутствіе раскаянія является еще болѣе естественнымъ, потому что они, по своему воспитанію, приучены были думать, что ихъ личные и семейные интересы совпадаютъ съ благомъ отечества, и что народы должны приносить имъ въ жертву свое добро и свою жизнь.

Насколько безконечно иначе разворачивается тотъ случай, когда отдѣльное лицо совершаетъ убійство, хотя бы это преступленіе совершалось не изъ алчности, но изъ ревности, мщенія и другихъ болѣе благородныхъ мотивовъ. Школа и

церковь внушают будущимъ гражданамъ съ юныхъ лѣтъ справедливое отвращеніе къ посягательству на чужую жизнь. Если все-таки, несмотря на то, убійство совершается, то всѣ круги общества содѣйствуютъ тому, чтобы запятнать позоромъ это дѣяніе, отыскать убійцу и предать его наказанію. Даже если убійца удастся первоначально скрыться, то все же во всю свою остальную жизнь онъ не гарантированъ отъ того, чтобы не быть снова открытымъ и наказаннымъ. Поэтому вполне естественно и необходимо, что убійца боится послѣдствій своего дѣянія и испытываетъ тѣ ужасныя угрызенія совѣсти, которыя изображены поэтами и художниками всѣхъ временъ.

Подобное же противорѣчіе можно отмѣтить и въ нравственныхъ приговорахъ по поводу преступленій противъ собственности. Когда крупные землевладѣльцы добиваются отъ своего правительства высокихъ пошлинъ на жизненные припасы, или когда крупные биржевые дѣльцы приобрѣтаютъ богатства распространеніемъ ложныхъ извѣстій и другими нечистыми способами, то они очень хорошо понимаютъ, что всѣмъ этимъ они приносятъ вредъ жизненнымъ интересамъ многихъ тысячъ людей, однако ихъ совѣсть этимъ нисколько не смущается, потому что ихъ вредныя дѣйствія производятся при попустительствѣ и даже при содѣйствіи государства. Если бѣднякъ совершить жалкое преступленіе—украсть, то у него есть всѣ основанія опасаться послѣдствій своего поступка и испытывать мученія совѣсти, потому что вѣдь и государство и общество сейчасъ же ополчаться на него. А такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло не касается интересовъ великихъ и сильныхъ міра сего, то тутъ выступаетъ на сцену трезвая народная мудрость со старой пословицей: „что сходитъ съ рукъ ворами, за то воришекъ бьютъ“.

Легко можно было бы привести сотни фактовъ въ подтвержденіе того, что совѣсть есть не что иное, какъ отраженіе соотношеній социальныхъ силъ въ душѣ человѣка. Здѣсь достаточно ограничиться лишь общимъ указаніемъ на то чудовищное различіе въ нравственныхъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, которое мы можемъ найти, съ одной стороны, между такими свободно управляемыми народами, какъ фран-

цузы и англичане, и съ другой стороны — такими несвободными, какъ русскіе, несмотря на то, что у всѣхъ ихъ сложились почти одинаково соотношенія важнѣйшихъ социальныхъ силъ, а именно религіи, государства, собственности и семьи. Совѣсть—это не голосъ Бога, ее нельзя сравнивать по прочности и неизмѣнности съ небесными звѣздами; она есть исторически обусловленное явленіе, принимающее въ пространствѣ и времени самыя разнообразныя формы. Поэтому одной только проповѣдью высокой нравственности никогда не удастся возвысить нравственное состояніе и совѣсть людей, если одновременно не будетъ производиться преобразование соотношеній социальныхъ силъ. Подробно будетъ объ этомъ сказано въ дальнѣйшемъ изложеніи (книга 3-я).

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Мораль общественная и мораль индивидуальная.

Не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя группы или общественныя соединенія могутъ совершать извѣстныя дѣйствія и потому подлежать нравственной оцѣнкѣ. Поэтому можно различать мораль сообществъ и мораль индивидуальную. Нашему разсмотрѣнію подлежатъ лишь тѣ сообщества лицъ, которыя обладаютъ признанной организаціей и въ силу этого могутъ быть представлены въ ихъ волѣ и дѣйствіи опредѣленными индивидами. Такими правовыми сообществами лицъ являются государства, съ ихъ подраздѣленіями, церкви, союзы и общества всякаго рода. Напротивъ того, при нравственныхъ сообществахъ лицъ подобная организація не необходима; здѣсь, наоборотъ, достаточно взаимной принадлежности другъ къ другу, являющейся слѣдствіемъ сознанія сродства физическихъ и духовныхъ свойствъ. Такими исключительно моральными соединеніями являются челоѣчество, раса, общеніе культуры и національности. Они представляютъ собой слабѣе соединенныя массы безъ прочной связи, дѣятельность которыхъ, за неимѣніемъ видимыхъ органовъ, менѣе замѣтна снаружи, и которыя, тѣмъ не менѣе, оказываютъ глубокое вліяніе на нравственное поведеніе людей.

Итакъ, поведеніе отдѣльныхъ личностей въ главномъ всецѣло зависитъ отъ соотношеній соціальныхъ силъ. Но поведеніе и дѣятельность каждаго индивида опредѣляются не только вліяніемъ государства, церкви, сословія, партіи и общественнаго мнѣнія, но также и уваженіемъ къ мнѣніямъ другихъ индивидовъ, и поэтому-то скрадывается во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ наружно, эгоистическій характеръ его поведенія, который всегда присущъ его подчиненію соціальнымъ силамъ. Напротивъ того, этотъ личный элементъ почти вовсе отсутствуетъ въ моральныхъ соединеніяхъ: поэтому здѣсь и празднуетъ сила свои бѣшенныя оргіи, какъ неограниченная царица всѣхъ человѣческихъ дѣйствій.

Это отрѣшеніе сообществъ отъ интересовъ отдѣльной личности имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что ихъ званые и незваные представители преслѣдуютъ ихъ общія цѣли по большей части съ великой односторонностью, не спрашивая себя, приносятъ ли они этимъ вредъ или пользу истиннымъ цѣлямъ своихъ сочленовъ. Они думаютъ, что служатъ общественному благу, разъ они сознаютъ, что не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ интересовъ. Во времена моей юности въ Вѣнѣ говорили въ шутку по поводу австрійскаго министра финансовъ Брестеля, который за свою простоту и безкорыстіе до сихъ поръ живетъ въ памяти своихъ земляковъ, что онъ способенъ на всякія низости, если только онъ не можетъ ожидать отъ нихъ никакой личной выгоды.

Такой складъ ума гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Стоитъ лишь вспомнить о тѣхъ насиліяхъ, которыя совершались въ предыдущія столѣтія достойными и честными людьми во имя религіи, а въ послѣднія десятилѣтія—въ защиту своей расы или національности. Да, можно безъ всякаго колебанія утверждать, что гораздо большая часть всѣхъ тѣхъ гнусностей, которыми запятнана исторія человѣчества, совершена въ защиту мнимыхъ интересовъ большихъ и малыхъ общественныхъ соединеній, чѣмъ для удовлетворенія прихотей нѣсколькихъ сильныхъ міра сего.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

ЖИВОТНЫЯ.

Рядомъ съ людьми живутъ еще другія, одаренныя разумѣніемъ, волей и чувствомъ существа—животныя. Между тѣмъ какъ въ правовыхъ и нравственныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу истина скрыта подъ тысячью фиговыхъ листочковъ, и испытующій взоръ повсюду наталкивается на тысячелѣтнее лицемеріе,—здѣсь, въ отношеніяхъ между человѣкомъ и животнымъ, гдѣ первому противостоятъ лишь слабыя, безсловесныя созданія, выдвигается открыто на первый планъ истинный характеръ человѣческаго поведенія. Первоначально, до возникновенія цивилизаціи, человѣкъ долженъ былъ вести съ животными жестокою борьбу, изъ которой онъ, безъ сомнѣнія, довольно часто выходилъ побѣжденнымъ. Теперь эта борьба повсюду разрѣшилась благоприятно для людей, которые по отношенію къ міру животныхъ едва ли признаютъ какой-либо другой законъ, кромѣ своей силы и своей пользы.

Поэтому животныя нигдѣ не приняты въ правовой и нравственный союзъ взаимной защиты, напротивъ того, человѣкъ считаетъ себя въ правѣ пользоваться животными по своему усмотрѣнію и даже предавать ихъ мучительной смерти для удовлетворенія своихъ потребностей. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ такой точки зрѣнія является широко распространенное по всей землѣ пожираніе людьми животныхъ, которое у цивилизованныхъ народовъ, а именно у состоятельныхъ классовъ, далеко выходитъ за предѣлы потребности и зачастую совершается съ утонченной жестокостью и безпощадностью. Ни одинъ цивилизованный Gastronomъ ни на минуту не задумается бросить живыхъ раковъ въ кипятокъ или проглотить устрицъ живыми. Но даже въ томъ случаѣ, если пользованіе животными не доходитъ до ихъ умерщвленія, все же они всегда предоставлены безграничному произволу ихъ свирѣпаго побѣдителя. Только низшіе классы животныхъ частью ускользаютъ отъ людскаго господства, благодаря ихъ численности и крохотности, причемъ нѣкото-

рыя изъ нихъ, какъ, напр., бактеріи, мстятъ человѣку за муки животнаго міра путемъ уничтоженія его самого.

Конечно, нѣтъ недостатка въ вѣлѣніяхъ закона и нравственности, имѣющихъ цѣлью воспрепятствовать безполезному истязанію животныхъ; но постановленія эти направлены не къ тому, чтобы принять животныхъ въ правовое и нравственное сообщество защиты, а къ тому, чтобы самихъ людей охранить отъ чувствъ отвращенія, безразличности или одичанія. И агитація противъ чрезмѣрнаго распространенія вивисекціи, будучи сама по себѣ весьма похвальною, все же по своимъ мотивамъ является по большей части сомнительной, такъ какъ по общему правилу она исходитъ отъ консервативныхъ партій, главы которыхъ ежедневно занимаются самыми жестокими видами охоты, рыболовства и бѣговаго спорта.

Только одна изъ міровыхъ религій приняла также животныхъ въ свое сообщество нравственной защиты, а именно—буддизмъ. Во главѣ пяти буддійскихъ заповѣдей, которыя приблизительно соотвѣтствуютъ десяти іудейско-христіанскимъ, стоитъ предписаніе, что всякій буддистъ не долженъ лишать жизни ничего живущаго. Точно такъ же первая изъ четырнадцати заповѣдей вѣры, принятыхъ съ 1891 года по предложенію буддиста Олькотта, англичанина по происхожденію, всѣми буддійскими церквами ¹⁾, гласитъ слѣдующее: „буддисты должны принять за правило—относиться ко всѣмъ безъ различія людямъ съ кротостью, снисхожденіемъ и братской любовью и ко всѣмъ членамъ царства животныхъ съ неизмѣнной добротой“ ²⁾. И между прочими блестящими добродѣтелями правителя, индійскаго царя Асоки (263—226 до Р. Хр.), который является для буддизма тѣмъ же, чѣмъ Константинъ I для христіанства, и до сихъ поръ чтится во всей Азіи какъ защитникъ и ревнитель своей религіи, упоминается съ похвалою и тотъ фактъ, что онъ былъ добръ къ животнымъ и приказалъ соорудить для нихъ больницы ³⁾.

---

¹⁾ Генри С. Олькоттъ: Буддійскій катехизисъ, нѣм. пер. Бишофа, 2 изд. (1902), вопросы 153, 201, 202.

²⁾ Олькоттъ: вопросы 291, 293.

³⁾ Олькоттъ, тамъ же, стр. 111.

Среди народовъ западной цивилизаціи, стоящихъ другъ противъ друга въ постоянной боевой готовности съ оружіемъ въ рукахъ, подобный животнoлюбивый монархъ врядъ ли встрѣтилъ бы другое отношеніе, кромѣ насмѣшки и пренебреженія.

Существующимъ сейчасъ отношеніямъ между животнымъ и человѣкомъ врядъ ли суждено въ будущемъ испытать какія-либо существенныя измѣненія. На преобразование соотношеній социальныхъ силъ нельзя здѣсь надѣяться, потому что солидарность и организація угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ здѣсь естественно невозможны. Наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ можетъ еще удержатъ отъ пожиранія животныхъ людьми наука, доказывая богатымъ вредъ чрезмѣрнаго употребленія мяса. Конечно, этотъ результатъ будетъ болѣе чѣмъ уравнишитъ тѣмъ, что пожираніе животныхъ, съ улучшеніемъ жизненной обстановки широкихъ классовъ народа, распространится все на болѣе широкіе круги населенія. Напротивъ того, обращеніе съ животными, а именно съ животными, употребляемыми для работы, сдѣлается естественно болѣе разумнымъ и человѣчнымъ съ повышеніемъ образованія всѣхъ классовъ народа.

Восьмая глава.

Расы и національности.

Идеаль всякой расы былъ бы тогда осуществленъ, если бы одинъ народъ или одна семья народовъ обладали бы однимъ происхожденіемъ, однимъ государствомъ, одной религіей и однимъ языкомъ, и если бы ихъ правовыя, нравственныя и научныя воззрѣнія были бы, по крайней мѣрѣ въ существенномъ, однородны. Такая раса навѣрно проявила бы громадныя силы вовнѣ, однако она въ то же время подчинилась бы, подобно стаду слабыхъ, руководству своихъ сильныхъ владыкъ. Вѣдь извѣстно, что слабые наиболѣе выигрываютъ только отъ столкновеній между сильными. Къ счастью, тотъ идеаль полного единства еще никогда не былъ осуществленъ. Наши расы, а именно расы индоевропейскія, охватываютъ собой многочисленныя государства, религіи и языки

и раздѣлены величайшими контрастами въ своемъ отношеніи къ праву, нравственности и научному міросозерцанію.

Безъ преувеличенія можно сказать, что никакое другое историческое явленіе не принесло человѣчеству больше бѣдствій, обмана и насилія, сколько эти расовыя противоположности. Худшимъ случаемъ является, понятно, тотъ, когда какая-нибудь умственно высоко стоящая воинственная раса сталкивается съ дикими народами или съ народностями низшей культуры. Такъ, напр., европейцы истребили порохомъ и водкой большую часть туземнаго населенія Америки и Австраліи. Гнусныя звѣрства конквистадоровъ дошли вскорѣ послѣ открытія Америки до такой степени, что замѣна индѣйцевъ рабами неграми, предложенная благороднымъ защитникомъ индѣйцевъ, Ласъ-Казасомъ († 1566), и связанная съ этой замѣной отвратительная торговля рабами являлись сравнительно человѣколюбивой мѣрой. Въ настоящее время негры Соединенныхъ Штатовъ по закону 1865 года юридически свободны, но, несмотря на это, благодаря соціальному перевѣсу бѣлыхъ, они удерживаются въ полурабскомъ состояніи.

Въ новѣйшее время европейскія націи отказались отъ этой политики истребленія и ограничиваются почти всегда матеріальнымъ использованием болѣе слабыхъ расъ. Такъ, напр., Англія эксплуатируетъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій Индію, Египетъ и нѣкоторыя другія страны только въ финансовомъ и коммерческомъ отношеніи. Когда теперь какое-либо европейское государство утверждаетъ, что оно хочетъ цивилизовать какой-нибудь дикій народъ или народъ низшей культуры или распространить среди него христіанство, то можно быть увѣреннымъ, что его намѣренія направлены, по крайней мѣрѣ въ первую очередь, именно на такой мирный грабежъ.

Еще болѣе рѣзкими, пожалуй, являются противоположности между отдѣльными народами, даже если они принадлежатъ къ одной и той же расѣ. Всѣ господствовавшіе народы, какъ, напр., греки, римляне и отдѣльныя германскія и славянскія племена, пріобрѣтали свое міровое значеніе по большей части при помощи побѣды и уничтоженія чужихъ націй. Еще и по сіе время нѣкоторыя національныя государства, какъ, напр.,

Россія, Пруссія и Венгрія, держать своихъ иноязычныхъ подданныхъ почти въ осадномъ положеніи. И даже въ такихъ государствахъ, которыя, какъ, напр., Австрія, предоставляютъ своимъ народностямъ въ общемъ и цѣломъ равныя права, національный антагонизмъ является постояннымъ источникомъ ненависти, зависти и насилій.

Глупо было бы надѣяться, что это страшное нравственное зло можетъ быть устранено или даже хотя бы значительно смягчено успѣхами культуры, путемъ такъ называемаго мирнаго развитія или подобными идейными вліяніями. Никакой господствующій народъ никогда не отречется отъ занимаемаго имъ положенія, если только онъ не будетъ къ этому принужденъ. Поэтому подчиненные расы и народы должны стараться прежде всего о томъ, чтобы вырвать у угнетателей ихъ силу, направленную на зло. А такъ какъ военныя способности съ ростомъ культуры скорѣе уменьшаются, чѣмъ возрастаютъ, то слабѣйшія расы, какъ это показалъ до сихъ поръ ходъ русско-японской войны, должны лишь усвоить себѣ европейское военное искусство, чтобы дѣйствительно защититься отъ своихъ угнетателей. И мы не въ правѣ относиться къ этому сопротивленію, какъ это часто бывало, съ эгоистическимъ негодованіемъ, напротивъ того, мы должны видѣть въ немъ вѣрнѣйшее воспитательное средство, ведущее международную нравственность къ высшей ступени развитія.

Девятая глава.

Государство и церковь.

Среди другихъ общественныхъ соединеній сильнѣе всего развились въ наше время государство и христіанскія церкви, которыя въ странахъ западной цивилизаціи вездѣ имѣютъ прочную организацію и потому являются способными къ единодушной, энергичной дѣятельности. На ихъ примѣрѣ видно самымъ яснымъ образомъ, что сила и нравственность по существу совпадаютъ и что всякій смѣетъ то, что онъ можетъ. Въ средніе вѣка христіанская церковь въ продол-

женіе столѣтій боролась съ государствомъ за обладаніе высшей властью, но споръ этотъ давно уже рѣшенъ въ пользу государства. Въ настоящее время всѣ христіанскія церкви, не исключая и католической, должны въ своемъ поведеніи считаться съ рѣшеніемъ государства, партій, общественнаго мнѣнія и другихъ создающихъ мораль факторовъ (I, 3), другими словами, онѣ должны вести себя нравственно въ смыслѣ индивидуальной морали (книга II), а это—вѣрнѣйшій знакъ ихъ прогрессирующаго безсилія. Двѣ другія міровыя религіи, исламъ и буддизмъ, вообще говоря, совершенно не переживали такого періода, какъ тотъ, когда папа Иннокентій III обладалъ безграничной полнотою мощи и признавалъ едва ли что-нибудь, кромѣ своего собственнаго произвола,—наоборотъ, онѣ должны были уже издавна широко приспособляться къ требованіямъ государствъ, имѣвшихъ, само собою, теократическую окраску. Отличительной чертой государствъ является прежде всего то, что не только высшіе ихъ правители чувствуютъ себя совершенно свободными отъ цѣпей системы религіозной и философской морали, но даже ихъ народы прощаютъ имъ всякаго рода обманы и насилія въ томъ случаѣ, если въ результатъ этого получаютъ крупные успѣхи. Среди великихъ представителей политики насилія за послѣдніе два вѣка едва ли можно найти одного, котораго нельзя было бы упрекнуть въ крупнѣйшихъ подлогахъ, за какіе въ частной жизни они были бы исключены изъ общества всѣхъ благородныхъ элементовъ народа. Добываніе военныхъ и политическихъ тайнъ чужихъ странъ, вслѣдствіе чего сотнямъ тысячъ человѣческихъ жизней угрожаетъ опасность въ случаѣ войны, составляетъ задачу почти всякаго безъ исключенія правительства, для чего оно стремится склонить путемъ подкупа иностранныхъ подданныхъ на это гнусное преступленіе. Да, нѣкоторыя особенно могущественныя и потому особенно беззастѣнчивыя правительства не далѣе какъ въ послѣдніе годы благоприятствовали полуофициальнымъ образомъ, но безъ особой тайны, убійству иностраннаго государя. А если все-таки всѣ эти и тому подобныя безнравственныя дѣянія недостаточны для того, чтобы достигнуть государственныхъ цѣлей силы и мощи, то ихъ правители переходятъ къ послѣднему сред-

ству—къ войнѣ, во время которой вѣлѣнія права и нравственности принципиально попираются ногами. Ничуть не болѣе крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій держалась и средневѣковая христіанская церковь, бывшая тогда, положимъ, фактически государствомъ, а не только религіознымъ сообществомъ. Такъ какъ наиболѣе выдающіеся средневѣковые папы стремились не только къ духовному, но и къ свѣтскому универсальному господству, то они могли, являясь сами высшими хранителями нравственности, не опредѣлять границъ существующей нравственности точнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ современное государство, ставящее себѣ гораздо меньшія задачи. Но къ безнравственной ихъ свѣтской политикѣ присоединялось здѣсь еще и злоупотребленіе духовными средствами. Какъ часто папы, изъ чисто свѣтскихъ цѣлей, разрѣшали народы отъ ихъ присяги на вѣрность ихъ верховному главѣ и тѣмъ покровительствовали лжи и нарушенію слова! Какъ часто въ борьбѣ за земную власть они подвергали отлученію цѣлыя страны и тѣмъ прекращали исполненіе всѣхъ духовныхъ требъ, между тѣмъ какъ по ихъ собственному ученію распределеніе средствъ спасенія является важнѣйшимъ основаніемъ ихъ существованія! Несчастливыхъ людей, несогласныхъ съ системой догматовъ церкви, послѣдняя разыскивала съ помощью папской инквизиціи и приговаривала ихъ, въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ, къ ужасной казни, совершать которую должно было отъ имени церкви государство, находившееся въ рабской отъ нея зависимости. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ эпоху альбигойскихъ войнъ, папство доводило свою ненависть къ ереси до истребленія цѣлыхъ народовъ. Короче говоря, сила и нравственность совпадаютъ другъ съ другомъ и на примѣрѣ христіанской церкви среднихъ вѣковъ, хотя ея Основатель и проповѣдывалъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ любовь къ ближнимъ, миръ и отреченіе отъ земныхъ благъ.

Столь свободное отношеніе къ унаслѣдованной нравственности свойственно, разумѣется, лишь верховнымъ властителямъ государства и церкви, и это отношеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ главнѣйшую составную часть ихъ суверенитета. Уже высшіе ихъ слуги и совѣтники: министры, полководцы и князья церкви несравненно болѣе связаны ихъ

мнѣніемъ, а также сужденіемъ остальныхъ факторовъ соціаль-
ныхъ силъ (I, 3). И чѣмъ ниже падаетъ власть іерархіи
свѣтскихъ и духовныхъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе нрав-
ственно должны вести себя отдѣльные носители власти,
пока, наконецъ, они просто не приспособятся къ низшимъ
ступенямъ традиціонныхъ нравственныхъ представленій. По-
этому, если какой-либо слуга или совѣтникъ открыто и
принципіально переходить границы нравственности, то выс-
шіе представители власти склонны разсматривать этотъ его
образъ дѣйствій, какъ покушеніе на ихъ привилегію.

На такое положеніе дѣла не обратилъ достаточно яснаго
вниманія Макиавелли, мастеръ беззащитной, лишенной
всякихъ нравственныхъ принциповъ политики, когда онъ
съ наивной хитростью подносилъ (1516) Лоренцо Медичи
(1516—1519) своего „Государя“, въ которомъ онъ совѣ-
товалъ недавно взошедшему на тронъ монарху всевозмож-
ныя преступленія, причемъ эта книга представляла вмѣстѣ
съ тѣмъ тайную программу его самого на тотъ случай,
если бы онъ былъ снова приглашенъ на флорентинскую
государственную службу. Но Лоренцо, котораго нѣкоторые
современники сравнивали съ Цезаремъ Борджіа, не могъ
предоставить въ такомъ объемѣ и только одному слугѣ свою
привилегію на безнравственность и потому онъ необходимо
усмотрѣлъ въ этой книгѣ зародышъ будущей измѣны. И
дѣйствительно, онъ остерегся пригласить на свою службу
бывшаго секретаря Флорентинской Республики. И позднѣе,
до самой смерти Макиавелли, послѣдовавшей въ 1527 году,
Медичи не допустили его ни до какой сколько-нибудь значи-
тельной государственной должности.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Сословія и профессиональныя группы.

Сословія повсюду подчинены власти государства, и ихъ
представители пользуются далеко не такой свободой въ
своихъ дѣйствіяхъ, какъ высшія власти государства и

церкви. Несмотря на то, уже издавна весьма многія государства находились въ подчиненіи у извѣстныхъ сословій, которыя образовывали какъ бы государство въ государствѣ. Были и теперь есть дворянскія и поповскія государства, а также государства военныя.

Различаютъ сословія по происхожденію и классы по призванію, сообразно тому, вступаетъ ли въ нихъ индивидъ уже по своему рожденію или въ силу свободнаго избранія. Такъ, поземельное дворянство съ эпохи среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени представляло собою въ нѣкоторыхъ странахъ не что иное, какъ касту наслѣдственныхъ воиновъ, чиновниковъ и землевладѣльцевъ.

Благодаря развитію новаго государственнаго устройства, наслѣдственные сословія были повсюду уничтожены, но и классы по свободному призванію, заступившіе ихъ мѣсто, все-таки въ значительной степени остались наслѣдственными въ силу воспитанія и семейной традиціи.

Наивысшей своей степени достигаетъ сила и безнравственность, если мнѣ позволено будетъ употребить это привычное выраженіе, у наслѣдственной земельной аристократіи, такъ какъ ея вліяніе въ государствѣ естественно было весьма укрѣплено вѣковыми связями съ носителями высшей власти. Я напому по этому случаю только, что земельная аристократія постепенно и почти незамѣтно повергла въ самую тяжкую крѣпостную зависимость прежде свободное крестьянское населеніе, воспользовавшись для этого въ большей части Европы, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, отмѣной права свободнаго перехода, приобрѣтеніемъ правъ уголовного и гражданскаго суда надъ крестьянами и другими подобными мѣрами, направленными, какъ казалось, на совсѣмъ другія цѣли. Подобнымъ же образомъ англійская поземельная аристократія, достигнувъ, благодаря революціи 1688 года, рѣшающаго вліянія на законодательство страны, присвоила себѣ большую часть земли посредствомъ огораживанія (inclosures) общественныхъ земель и въ то же время оторвала крестьянъ отъ ихъ плуга—весьма часто съ помощью самыхъ жестокихъ средствъ. Также и наслѣдственные цехи среднихъ вѣковъ и болѣе новаго времени повсюду, насколько хватала ихъ несравненно меньшая сила, держали въ оковахъ

своихъ стоящихъ внѣ цеховъ товарищей по ремеслу и эксплуатировали ихъ.

Приемы эксплуатаціи у современныхъ профессиональныхъ классовъ утонченнѣе, но ничуть не болѣе нравственны. Земельная аристократія, правда, должна была въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка отказаться отъ крѣпостного права, послѣ того какъ ея мощь понесла тяжелыя утраты подѣ влияніемъ народолюбивыхъ теорій эпохи просвѣщенія, а также вслѣдствіе великой французской революціи. Однако, современные крупные землевладѣльцы, къ которымъ между тѣмъ присоединились средніе и мелкіе сельскіе хозяева, требуютъ, для обезпеченія имъ дохода безъ затраты какого-либо труда, введенія и увеличенія пошлинъ на жизненные припасы, что даетъ имъ всѣ выгоды владѣнія крѣпостными, безъ непріятныхъ личныхъ отношеній, да къ тому же тутъ крѣпостничество распространяется на цѣлую націю. Современные промышленники, посредствомъ промышленныхъ пошлинъ и синдикатовъ, также выжимаютъ изъ своей націи значительный доходъ безъ затраты труда и зачастую пользуются этими установленіями для того, чтобы продавать свои товары за границей дешевле, чѣмъ своимъ землякамъ. Говоря короче, всѣ эти факты, которыхъ можно привести еще въ сто разъ больше, ясно доказываютъ, что сословія и классы по общему правилу эксплуатируютъ все остальное населеніе, насколько только хватаетъ у нихъ силы и вліянія.

Сословіе или призваніе является по большей части основаніемъ экономическаго, общественнаго и политическаго положенія людей. Поэтому сословные интересы вліяютъ непрестанно съ одной и той же силой, между тѣмъ какъ сознаніе принадлежности къ извѣстной расѣ, государству и религіи выдвигается на первый планъ въ общемъ и цѣломъ лишь по особымъ поводамъ. Это вѣдь старый опытъ исторіи, что даже тѣ личности, которыя весьма легко удерживаются отъ безнравственныхъ или эгоистическихъ поступковъ, благодаря вліянію родственниковъ, друзей и общественнаго мнѣнія, сохраняютъ сословный или классовый эгоизмъ, доходящій часто до жестокости. Является даже вѣроятнымъ, что и при социалистическомъ строѣ общества, гдѣ должны будутъ отойти далеко на задній планъ различія въ расѣ, государственной принадлеж-

ности и религіи, все-таки сохраняются и даже, можетъ быть, приобретутъ еще болѣе сильное вліяніе профессиональных различій.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Партіи.

Подобно сословіямъ и группамъ по призванію, партіи подчинены авторитету государства, но въ своихъ цѣляхъ и составѣ онѣ подвержены несравненно болѣе быстрымъ переменамъ. Такъ, типъ крупнаго землевладѣнія въ Германіи остался въ существенныхъ чертахъ неизмѣннымъ въ продолженіе многихъ столѣтій, между тѣмъ какъ партіи, благодаря основанію новой Германской имперіи, преобразовались почти совершенно. Но какъ разъ то обстоятельство, что партіи такъ тѣсно связаны съ временными взглядами и стремленіями людей, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ, что онѣ оказываютъ на дѣятельность массъ глубочайшее вліяніе. Если партіи на время удастся совершенно подчинить государство своей опекѣ, то ея дѣятельность можетъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, дойти до крайней горячности и даже до дикой жестокости, попирающей ногами всякую человѣчность.

Страшный примѣръ неистовой борьбы партій, перешедшей всѣ границы унаслѣдованной нравственности, пережила Германія въ тридцатилѣтнюю войну. Верховный глава католической партіи, императоръ, собиралъ со всѣхъ концовъ Божьяго міра толпы разнузданныхъ солдатъ, чтобы напасть на протестантскихъ князей и подчинить ихъ своей власти. Эти же послѣдніе, чтобы защититься отъ его нападенія, вступили въ союзъ со злѣйшими врагами имперіи—шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ и враждебнымъ протестантству королемъ Франціи. За долгое время этой страшной борьбы партій нѣмецкій народъ могъ бы научиться тому, что право и нравственность, если того требуютъ интересы сильнаго, остаются на десятки лѣтъ внѣ всякаго примѣненія, и что всякая нравственность можетъ быть убита во имя религіи. Къ концу этой великой войны значительная часть Германіи обратилась въ пустыню, а ея народонаселеніе, котораго жизнь, честь и имущество зависѣли въ продолженіе цѣлой

человѣческой жизни отъ своеволія солдатъ, впало на два столѣтія въ состояніе сервилизма и политическаго безсилія.

Но и народныя партіи, которыя все же въ общемъ и цѣломъ являются представительницами прогресса человѣчества, довольно часто доказывали, что и для нихъ сила и нравственность совпадаютъ. Такъ, напр., парижскіе якобинцы въ 1792 году, когда пруссаки двигались на Парижъ, умертвили въ тюрьмахъ, по мнимому приговору народного суда, многія тысячи политическихъ заключенныхъ (сентябрьскія убійства). Подобныя же гнусности совершали и роялисты въ 1795 году, послѣ паденія якобинцевъ, и позднѣе, въ 1815 году, послѣ окончательнаго низверженія Наполеона. Эти слѣпыя приверженцы республики или королевства не замѣчали при этомъ, что такими безчеловѣчными актами они дѣлаютъ совершенно невозможнымъ прочное укорененіе желательной имъ формы государственнаго устройства.

Многіе читатели могутъ къ этимъ двумъ типическимъ примѣрамъ слѣпой партійной ярости прибавить безчисленное множество подобныхъ изъ своей личной жизни и изъ историческихъ наблюдений. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждой партіи, существующей уже извѣстное время и имѣющей значеніе, развивается сильный партійный духъ, стремящійся къ безоглядному уничтоженію своихъ противниковъ и разрѣшающій съ готовностью своимъ сторонникамъ употреблять для достиженія этой цѣли всѣ средства хитрости и силы. Предписанія традиціонной нравственности отступаютъ здѣсь совсѣмъ на задній планъ. И гибель партій совершается обыкновенно не потому, что члены партіи слишкомъ предаются соображеніямъ о моральности того или иного поступка, а вслѣдствіе нецѣлесообразныхъ излишествъ партійнаго духа, порождаемыхъ и поощряемыхъ самими членами партій.

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Переходъ къ индивидуальной морали.

Въ предшествующихъ главахъ я пытался на безчисленныхъ историческихъ примѣрахъ обосновать ту мысль, что жизнь человѣческихъ обществъ руководится не предписа-

ніями традиційної нравственности, а зависимостью отъ существующихъ соотношеній силъ. Только историческіе факты всеобще извѣстны и могутъ быть точно установлены въ отношеніи ихъ мотивовъ и ихъ внѣшняго хода. Если бы я сталъ для этой цѣли приводить неизвѣстные факты изъ низовъ общественной жизни, то они навѣрно подверглись бы сомнѣнію, тѣмъ болѣе, когда они должны служить доказательствомъ въ пользу новаго общаго пониманія нравственности. Но можно сказать съ полной достовѣрностью, что великія столкновенія расъ, государствъ, церквей, сословій и партій вызываются тѣми же двигательными пружинами, какъ и мелкіе споры въ родѣ, общинѣ и мѣстныхъ союзахъ.

Конечно, въ настоящее время и эти менѣе значительные факты много разъ подвергались наблюденію въ низшихъ слояхъ общественной жизни и отмѣчены въ статистическихъ трудахъ. Но эти статистическія указанія большею частью неточны и разнорѣчивы и даютъ по общему правилу только характеристику внѣшняго осуществленія, а не мотивовъ человѣческихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, историческая жизнь человѣчества, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, проявляется ли она въ королевскихъ замкахъ, въ парламентахъ, на поляхъ сраженій или въ мрачныхъ закоулкахъ низшихъ слоевъ общества, всюду она опредѣляется не царящимъ якобы надъ людьми нравственнымъ порядкомъ, а существующими соотношеніями силы.

Какъ же обстоитъ дѣло съ частной жизнью людей, гдѣ каждый индивидъ противостоитъ, во всей своей слабости и зависимости, громадной массѣ другихъ индивидовъ съ отличными отъ него взглядами и стремленіями? Быть можетъ, индивидуальная мораль представляется именно той областью, гдѣ сила и внѣшнія вліянія уступаютъ свое мѣсто господству объективнаго нравственнаго порядка? На этотъ вопросъ намъ отвѣтитъ дальнѣйшее изложеніе (книга 2-я).

ВТОРАЯ КНИГА.

Индивидуальная мораль.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Воля и дѣйствіе.

Человѣческая дѣятельность состоитъ изъ воли и дѣйствія: первая—естъ явленіе внутренняго порядка, второе—направляется наружу; для мирнаго сожитія людей, для ихъ взаимнаго приспособленія, составляющаго сущность нравственности, имѣетъ значеніе лишь внѣшнее явленіе — дѣйствіе, между тѣмъ какъ одно лишь намѣреніе относится всецѣло къ области индивидуальнаго бытія.

Важность внѣшняго дѣйствія проявляется съ особой ясностью въ общественной морали, въ области которой совершаются всѣ важнѣйшія дѣйствія людей. Ибо, хотя отъ лица общественныхъ соединеній дѣйствуютъ ихъ полномочные и неполномочные представители, но ихъ воля не можетъ считаться равнозначной съ волей всѣхъ членовъ даннаго сообщества. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ въ области исторической дѣятельности народныхъ массъ рядъ важныхъ дѣйствій, подлежащихъ нравственному сужденію, при отсутствіи точно соотвѣтствующей имъ воли.

Въ области индивидуальной морали каждому внѣшнему проявленію всегда, конечно, соотвѣтствуетъ внутреннее побужденіе воли. Но человѣческія намѣренія неясны и неустойчивы и сами по себѣ не имѣютъ рѣшающаго вліянія на общественную жизнь. Человѣкъ самъ узнаетъ лишь по соверше-

2 | ний извѣстнаго поступка, къ чему онъ до того времени серьезно стремился. Навѣрно всякому случалось принимать твердое рѣшеніе оставаться мужественнымъ и стойкимъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, однако, это не мѣшаетъ большинству людей поспѣшно скрываться въ случаѣ наступленія дѣйствительной опасности.

Конечно, вполне понятно, что ученіе о нравственности проникнутое религіознымъ духомъ, должно было приписать рѣшающее значеніе одной только волѣ. Всевѣдущій Богъ, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ господствуютъ религіозныя воззрѣнія, представляетъ для религіознаго ученія о нравственности ту выгоду, что онъ знаетъ самыя сокровенныя побудительныя причины человѣческихъ дѣйствій и потому можетъ справедливо наградить или наказать безсмертную душу по окончаніи ея земного существованія. Поэтому религіозное чувство приписываетъ человѣческой волѣ, покоящейся въ темныхъ пучинахъ нашей души и служащей связью божества со всѣми нашими дѣйствіями, гораздо большее значеніе, чѣмъ даже поступкамъ. Я напому здѣсь только, что столь глубоко религіозные люди, какъ апостолъ Павелъ, Лютеръ и Кальвинъ, учили, что не дѣла человѣка являются главнымъ условіемъ спасенія, а вѣра, хотя признаніе извѣстныхъ религіозныхъ положеній навѣрно имѣетъ еще менѣе связи съ человѣческими дѣйствіями, чѣмъ человѣческая воля ¹⁾.

Философскія системы съ сильной религіозной подкладкой имѣютъ, конечно, также тенденцію очень переоцѣнивать значеніе одной только доброй воли. Къ такимъ системамъ слѣдуетъ причислить философію Канта, являющуюся не только наукой, но по крайности въ такой же мѣрѣ и религіей разума, которая, правда, достигаетъ своихъ цѣлей лишь путемъ большаго обходнаго пути. Какъ извѣстно, Кантъ опровергъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ теоретическія доказательства бытія Божія во всей ихъ совокупности, но лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ же утверждать, что нравственный законъ имѣетъ, какъ необходимую предпосылку, бытіе Бога

---

¹⁾ Сравн. Д. Штраусъ: „Христіанское вѣроученіе“, томъ 2-й (1841 г.), стр. 463—497.

и безсмертіе души ¹⁾. А что это утверждение является едва ли чѣмъ инымъ, какъ религіознымъ вѣроположеніемъ, доказываетъ намъ буддизмъ, распространеннѣйшая изъ всѣхъ религій, которая создала болѣе утонченную и благородную мораль, чѣмъ христіанство, безъ того, чтобы допустить существованіе личнаго Бога или безсмертіе души.

Исходя изъ такой религіозной точки зрѣнія, Кантъ также долженъ былъ поставить добрую волю выше дѣла. Въ самомъ началѣ „Основоположенія метафизики нравовъ“, его главнѣйшаго этического творенія, онъ дѣлаетъ относительно доброй воли слѣдующее характерное замѣчаніе: „въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы считаться безусловно хорошимъ, кромѣ одной только доброй воли“ ²⁾. Съ такимъ же правомъ можно утверждать, что для совмѣстной жизни людей нѣтъ ничего болѣе малоцѣннаго, какъ такая добрая воля, которая съ намѣреніемъ или безъ намѣренія не влечетъ за собой никакихъ добрыхъ поступковъ.

Настоящая человѣческая мораль, свободная отъ всякихъ религіозныхъ пружинъ, будетъ принимать въ соображеніе лишь дѣла людей, а не ихъ темныя и загадочныя побужденія, скрытыя въ тайникахъ человѣческой души. Мы видимъ также, что въ практической жизни все въ мірѣ обращаетъ вниманіе лишь на внѣшнія дѣйствія: супругъ довольствуется обладаніемъ и вѣрностью своей супруги, государство требуетъ отъ своихъ гражданъ только налоговъ и рекрутовъ, даже церковь, которая стремится вліять на самыя глубины человѣческой души, и та довольствуется всюду внѣшними проявленіями набожности. И юристы, призваніемъ которыхъ является наблюденіе за человѣческими дѣйствіями и регулированіе ихъ, не принимаютъ въ соображеніе, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, одного лишь голаго намѣренія; даже самыя тиранническіе законы древняго и новаго времени объявляютъ преступное намѣреніе не наказуемымъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно не сопровождалось

¹⁾ Кантъ: „Критика чистаго разума“, стр. 505, 627; „Критика практическаго разума“, стр. 146, 149—въ изданіи Кирхмана.

²⁾ Кантъ: „Основоположеніе метафизики нравовъ“, стр. 10 (Кирхмановское изданіе).

приступомъ къ его исполненію. Конечно, въ области права и морали имѣетъ часто чрезвычайно важное значеніе, совершень ли данный поступокъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, по неосторожности или случайно. Однако, и въ этихъ случаяхъ само дѣяніе должно представить ручательства, что вызвавшая его воля была серьезна.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сущность индивидуальной морали.

Мораль обществъ и мораль индивидовъ еще и теперь оцѣниваются въ сознаніи народовъ по существенно различнымъ идейнымъ основаніямъ. Дѣйствія государства, церкви и другихъ обществъ оцѣниваются почти исключительно съ точки зрѣнія силы; въ примѣненіи къ нимъ едва ли можетъ быть разговоръ о чемъ-либо другомъ, какъ о томъ, были ли извѣстныя историческія дѣйствія предприняты съ достаточными для ихъ выполнения силами. И эта точка зрѣнія еще рѣзче обозначилась въ послѣднія десятилѣтія. Я напомнимъ здѣсь, что то морализирующее изложеніе исторіи, какое господствовало въ эпоху просвѣщенія и еще въ первую половину 19-го столѣтія было представлено Шлоссеромъ, въ настоящее время въ Германіи (и въ другихъ мѣстахъ) должно было уступить только изобразительному изложенію исторіи, въ стилѣ Ранке, которое должно только показать, безъ какой-либо моральной оцѣнки, лишь то, что въ дѣйствительности было. Напротивъ того, поступки индивида и до сихъ поръ подвергаются нравственному сужденію на основаніи традиціонной религіозной и философской системы морали. Конечно, здѣсь является смѣшное противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что великія историческія дѣйствія судятся несравненно мягче, чѣмъ маловажные поступки индивида, ограниченные сферой его индивидуальнаго существованія.

Однако, и это различіе является результатомъ существующихъ соотношеній соціальной силы. Разъ вся наша нравственность есть лишь отраженіе порядка силы и мощи, то становится вполне понятнымъ, что высшимъ руководителямъ

государства и церкви, оказывающимъ, благодаря своему могущественному положенію и благодаря своему вліянію на народное образованіе, сильное дѣйствіе на взгляды народныхъ массъ, всегда обеспечена снисходительная нравственная оцѣнка; даже если они, пользуясь довѣренной имъ властью, совершаютъ явныя злоупотребленія, и тогда населеніе склонно приписывать ихъ ошибки вліянію дурныхъ совѣтниковъ.

Только въ кругу своей семьи и лицъ равнаго общественнаго положенія, гдѣ степень различія силы не такъ велика, подвергаются они обычной для всѣхъ оцѣнкѣ. Такъ, напр., даже Наполеонъ I, цѣнившій въ государственной жизни одну лишь силу, все же находился на дѣлѣ подъ большимъ вліяніемъ своей жены и братьевъ.

То же самое явленіе повторяется на всѣхъ ступеняхъ нашего грандіознаго порядка силы и мощи, начиная съ руководителей государства и церкви и кончая послѣднимъ поденщикомъ. Чѣмъ выше положеніе индивида, тѣмъ свободнѣе можетъ онъ сообразоваться въ своемъ поведеніи со своими интересами, не боясь нравственнаго порицанія окружающихъ. И чѣмъ ниже его рангъ въ іерархіи силы и вліянія, тѣмъ больше ожидается отъ него покорности и самопожертвованія. Я напому здѣсь лишь о томъ, что большая часть хозяевъ требуетъ не задумываясь отъ своей прислуги очень большихъ жертвъ, не давая имъ взамѣнъ ничего, кромѣ скуднаго жалованья и высокомѣрнаго обращенія.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что не существуетъ объективныхъ добродѣтелей или пороковъ, а что все въ этомъ отношеніи зависитъ отъ приспособленія или неприспособленія лица къ господствующимъ соотношеніямъ социальныхъ силъ. Одно и то же обхожденіе со стороны монарха цѣнится какъ обворожительная благосклонность, а со стороны маленькаго чиновника является оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Дипломатъ, упускающій изъ своихъ рукъ, благодаря своему нежеланію пользоваться ложью, осуществленіе важныхъ цѣлей, слыветъ и у своихъ товарищей и въ болѣе широкихъ кругахъ простофилей, въ то же время какъ ученый, посвящающій свою жизнь исканію одной только истины, встрѣчаетъ величайшія симпатіи и уваженіе. Тѣ издержки, кото-

рыя Ротшильдъ или Вандербильдтъ могутъ сдѣлать не заду-
мываясь, подвергли бы человѣка средняго достатка опасности
назначенія надъ нимъ опеки за расточительность. И не долж-
но ли цѣломудріе запертаго въ своей кельѣ монаха измѣ-
ряться другимъ масштабомъ, чѣмъ цѣломудріе какого-нибудь
султана, имѣющаго тысячеголовый гаремъ? Короче говоря,
нравственную оцѣнку человѣческихъ поступковъ нельзя про-
изводить на основаніи какихъ-либо общихъ для всѣхъ прин-
циповъ, а лишь по точномъ соображеніи лежащихъ въ ихъ
основаніи соотношеній силы. Столь же относительно оцѣни-
вается и поведеніе всякаго индивида какъ со стороны его
окружающихъ, такъ и болѣе широкихъ круговъ.

Поэтому, когда я, въ послѣдующемъ изложеніи, говорю о
лжи, надменности и другихъ „добродѣтеляхъ“ и „порокахъ“,
то это происходитъ только потому, что я связанъ традицион-
нымъ способомъ представленія. Съ отстаиваемой здѣсь точ-
ки зрѣнія вся нравственность представляетъ собою одну лишь
проблему силы. Тотъ, кто приспосабливаетъ свои дѣйствія въ
данномъ положеніи къ общему порядку силы и въ то же
время уважаетъ положеніе другого, тотъ поступаетъ добро-
дѣтельно, а въ противномъ случаѣ—порочно. Установившееся
поведеніе въ томъ или другомъ направленіи принято назы-
вать добродѣтелью или порокомъ.

Дальнѣйшій ходъ нашихъ разсужденій покажетъ, что эти
соображенія справедливы не только по отношенію къ обще-
ственной морали, но и индивидуальной.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Вредъ для потомства.

Переходя теперь къ детальному разсмотрѣнію индивиду-
альной морали, я прежде всего считаю нужнымъ напомнить,
что въ мои намѣренія не можетъ входить составленіе пол-
наго каталога нравственныхъ обязанностей и находящихся
въ связи съ ними добродѣтелей и пороковъ. Кто изучаетъ
весь порядокъ силы и мощи общества въ извѣстномъ его
состояніи и всѣ его измѣненія, тотъ безъ особаго затрудне-

нія можетъ составить систему его морали,—я имѣю въ виду живую и дѣйствующую мораль, а не проповѣдническую или книжную. Языкъ также оказываетъ всюду значительное вліяніе на образованіе и разграниченіе нравственныхъ понятій. Даже ходячая мода и настроеніе даннаго дня не лишены значенія въ данномъ вопросѣ.

Я очень хорошо помню, какъ передъ крупнымъ биржевымъ крахомъ (1873 г.) всѣ удивлялись въ Вѣнѣ и Берлинѣ смѣлымъ и удачливымъ биржевымъ спекулянтамъ,—а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ же презирали, какъ безумныхъ или безсовѣстныхъ игроковъ.

Многочисленные моралисты раздѣляютъ нравственныя обязанности на двѣ группы: на обязанности по отношенію къ самому себѣ и по отношенію къ другимъ. Только эти послѣднія могутъ считаться настоящими нравственными обязательствами. Это очевидно само по себѣ, если разсматривать нравственность какъ приспособленіе къ существующимъ соотношеніямъ социальныхъ силъ. Но и со всякой другой точки зрѣнія слѣдуетъ отбросить въ сторону нравственныя обязанности по отношенію къ самому себѣ, потому что въ требованіи, чтобы всякій человѣкъ предъявлялъ къ себѣ самому правовыя или нравственныя претензіи, содержалось бы явное противорѣчіе. Поэтому умѣренность въ пищѣ, питьѣ и половыхъ наслажденіяхъ, цѣлесообразная смѣна отдыха и работы, чистота и тому подобныя качества не являются предметомъ нравственнаго закона. Воспитаніе и наука оказываются здѣсь безконечно дѣйствительнѣе моральныхъ заповѣдей.

Самоубійство и самоизувѣченіе также не подчинены нравственному закону. Разумѣется, религіозныя моральныя системы, къ которымъ можно причислить также и Кантовскую, должны были порицать эти дѣйствія, какъ безнравственныя, на томъ основаніи, что, совершая ихъ, индивидъ вторгается въ божественныя предначертанія. Настоящая человѣческая мораль будетъ, напротивъ того, полагать, что тѣло человѣка, согласно природѣ, совершенно ему подчинено, и что поэтому, совершая самоубійство или самоизувѣченіе, человѣкъ, по крайней мѣрѣ по общему правилу, не переходитъ границъ удѣленной ему природой власти. Плиній

Старшій, видѣвшій еще собственными глазами страшныя времена Нерона, весьма хорошо говорить по этому поводу, что человекъ, въ силу своей способности къ самоубійству, оказывается выше боговъ, потому что всегда можетъ уйти отъ бѣдствій этой жизни по собственной волѣ. Только въ тѣхъ, впрочемъ, многочисленныхъ случаяхъ самоубійца поступаетъ безнравственно, когда онъ своимъ поступкомъ наноситъ вредъ чужой власти и чужимъ интересамъ, какъ напр., когда глава семьи, обязанный ее содержать и воспитывать, уклоняется путемъ самоубійства отъ этого обязательства.

Вообще, при дѣйствіяхъ, являющихся предметомъ мнимыхъ обязанностей по отношенію къ самому себѣ, принимаются въ большее соображеніе интересы потомства, чѣмъ интересы дѣйствующаго лица. Въдѣ умѣренность, чистота и отвращеніе предѣ чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ и передѣ самоубійствомъ обезпечиваются уже жизненнымъ стремленіемъ индивида; напротивъ того, интересы грядущихъ поколѣній, лишенные охраны со стороны правительства и церкви, до сихъ поръ повсюду предоставлены волѣ случая. Здѣсь съ особенной ясностью выступаетъ на первый планъ общій характеръ нравственности, какъ результата дѣйствія силы: живущіе и дѣйствующіе въ настоящее время люди находятся неизбежно въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ по отношенію къ нравственнымъ силамъ, чѣмъ послѣдующія поколѣнія, покоющіяся безсильно въ темныхъ нѣдрахъ будущаго.

И все-таки образъ дѣйствій человека, заражающаго ребенка въ состояніи опьяненія или при сифилисѣ, или чрезмѣрно увеличивающаго свою семью по легкомыслію или изъ чувственности, довольно часто сопровождается болѣе гибельными послѣдствіями, чѣмъ какое-либо тяжелое тѣлесное поврежденіе или даже преступленіе, направленное только противъ имущества. Но напрасно стали бы мы искать въ нашихъ правовыхъ и нравственныхъ законахъ такихъ предписаній, которыя могли бы доставить грядущимъ поколѣніямъ дѣйствительную защиту противъ полового эгоизма и глупости ихъ предковъ.

Конечно, такіе законы природы, какъ наслѣдственность духовныхъ и тѣлесныхъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ, затѣмъ Мальтусовскій законъ увеличенія народонаселенія

принадлежать къ числу тѣхъ истинъ, которыя были открыты или по крайней мѣрѣ получили признаніе лишь въ послѣднемъ столѣтіи. Напротивъ того, христіанская половая нравственность основывается на нравственныхъ воззрѣніяхъ древняго іудейства, которое, согласно нравамъ полуварварскихъ народовъ, считало изобиліе дѣтей само по себѣ счастіемъ и отличіемъ. Христіанская мораль просто повторяетъ эти давно уже устарѣвшія воззрѣнія, потому что она и здѣсь, какъ въ другихъ областяхъ, почти потеряла всякую способность приспособляться къ новымъ понятіямъ и потребностямъ.

Нынѣшнее государство и право также очень далеки отъ того, чтобы разрѣшить эту важную задачу. Государство въ настоящее время само имѣетъ лишь незначительное вліяніе на частное право; оно почти безпомощно противъ пагубнѣйшихъ извращеній права собственности и, въ особенности, семейнаго права. Многочисленные своды законовъ и юристы исходятъ изъ той точки зрѣнія, что половыя отношенія супруговъ принадлежать не къ области права, а исключительно къ области нравственности. И на смѣну этого слишкомъ высокаго мнѣнія іудейства о многочисленномъ потомствѣ, какъ о благодати Божіей, выступаютъ въ настоящее время интересы сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, нуждающихся для своихъ предпріятій въ многочисленныхъ дешевыхъ и усердныхъ „рукахъ“. Доколѣ вообще государство будетъ стоять передъ частнымъ правомъ, какъ передъ какой-то недоступной крѣпостью, въ которую нельзя проникнуть иначе, какъ окольнымъ путемъ, до тѣхъ поръ оно никогда не будетъ въ состояніи оказать дѣйствительной защиты интересамъ грядущихъ поколѣній. Какія измѣненія въ соотношеніяхъ силъ необходимы для достиженія этой цѣли, это покажетъ намъ дальнѣйшее изложеніе (III, 7).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Любовь къ ближнимъ.

Глубокое впечатлѣніе производятъ обыкновенно на вѣрующія души тѣ заповѣди, которыя установлены религіозными и философскими системами морали для опредѣленія

общаго нравственнаго отношенія челоѣка къ челоѣку. Здѣсь основатели религій и проповѣдники морали поистинѣ изливаются въ челоѣколюбивыхъ чувствахъ и возвышенныхъ изреченіяхъ, причемъ, конечно, молчаливо подразумѣвается, что все это снова можетъ быть уничтожено или даже обращено совсѣмъ въ противоположное посредствомъ отдѣльныхъ нравственныхъ и правовыхъ предписаній.

Христіанское ученіе о нравственности, представляющее и въ этомъ отношеніи наибольшія крайности, требуетъ отъ всякаго христіанина не болѣе и не менѣе, какъ того, чтобы онъ любилъ своего ближняго, какъ самого себя ¹⁾, не оказывалъ ему никакого сопротивленія, а, напротивъ того, платилъ бы добромъ за зло ²⁾. Буддизмъ, хотя и не предписываетъ такой всеобщей, безоглядной любви къ ближнимъ ³⁾, однако учитъ религіозной и національной терпимости ⁴⁾ и также требуетъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они отплачивали добромъ за зло ⁵⁾. Болѣе всего приближается къ моральной дѣйствительности исламъ, такъ какъ онъ хотя и предписываетъ по отношенію къ единовѣрцамъ кротость и милосердіе, но зато проповѣдуетъ ненависть къ невѣрнымъ и истребленіе ихъ ⁶⁾, а также отмщеніе за зло по древне-іудейскому ⁷⁾ закону: „око за око, зубъ за зубъ“ ⁸⁾.

Такъ какъ христіанство—этимъ послѣднимъ я вполне могу здѣсь ограничиться—предписываетъ всякому челоѣку

1) Ев. Матѣ. 22, 39; посл. Павла къ Римл. 13, 9; къ Галат. 5, 14; посл. Іакова 2, 8. Также сравн. уже въ 3 кн. Моисея 19, 18.

2) Отъ Матѣ. 5, 39—48; отъ Луки 6, 27—38 и т. д.

3) Что буддизмъ не знаетъ всеобщей безграничной христіанской любви къ ближнимъ, ясно показываетъ извѣстное изреченіе Будды, гласящее слѣдующее: „Не служи глупцамъ, но служи разумнымъ: — честь воздавай чести достойнымъ:—это есть высшее благословеніе“. Подобнаго изреченія никогда не могъ бы произнести Христосъ, возвеличивающій нищихъ духомъ (Матѣ. 5, 3).

4) Олькоттъ: Буддійскій катехизисъ, нѣм. пер. Бишофа, 2 изд. (1902), стр. 88.

5) Олькоттъ, тамъ же, стр. 56.

6) Коранъ, Сура 9, 5. 29.

7) 2 кн. Моис. 21, 24; 3 Моис. 24, 20; 5 Моис. 19, 21.

8) Коранъ, Сура 2, 173—175.

почти безграничное принесение себя въ жертву интересамъ своихъ ближнихъ, то можно было бы ожидать, что оно будетъ бороться съ тѣми социальными установленіями, которыя по своему господствующему характеру необходимо должны разобщать людей между собою. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности, совершенно напротивъ—христіанство издавна признавало правильнымъ существующій государственный, правовой и имущественный порядокъ. Однако, этотъ послѣдній въ настоящее время предоставляетъ отдѣльнымъ членамъ общества строго ограниченныя правовыя сферы, въ которыхъ каждый долженъ окопаться какъ въ своемъ замкѣ, если онъ хочетъ обезпечить свое существование. Благодаря этимъ безпрестанно соприкасающимся и сталкивающимся правовымъ сферамъ, истинная христіанская любовь къ ближнимъ сдѣлалась невозможной, совершенно подобно тому, какъ наши государства, находясь постоянно въ боевой готовности, не могутъ ощущать другъ къ другу никакого чувства истинной дружбы. Даже благотворительность по отношенію къ бѣднымъ и угнетеннымъ, которую предписываютъ всѣ религіи, нельзя разсматривать, какъ проявленіе христіанской любви къ ближнимъ, потому что и здѣсь благодѣтель цѣликомъ оставляетъ свое правовое положеніе противъ получившаго благодѣяніе, а ему удѣляетъ лишь скудную милостыню.

Еще менѣе совмѣстимы съ государственнымъ и правовымъ порядкомъ всѣхъ временъ остальные два положенія, что должно не противиться злему и платить добромъ за зло. Обоимъ предписаніямъ противорѣчить уже уголовное право, одно изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ установленій чловѣческаго рода, потому что главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы за всякое болѣе важное злодѣяніе воздавать одинаково чувствительнымъ зломъ. Однако, даже въ чисто нравственной области осуществленіе этихъ заповѣдей невозможно, потому что проведеніе ихъ въ жизнь повлекло бы за собой продолжительный перевѣсъ дурныхъ надъ хорошими, со всѣми его гибельными послѣдствіями.

Христосъ самъ понималъ внутреннюю невозможность своихъ предписаній о любви къ ближнимъ, когда произносилъ свое изреченіе: „воздайте кесарево—кесареви, а Божіе—

Богови" (Матѣ. 22, 21) и тѣмъ самымъ давалъ признаніе римскому государственному порядку, несмотря на всю его грубость и жестокость. И католическая церковь всегда принимала господствующій у различныхъ народовъ государственный и правовой порядокъ въ качествѣ существующаго факта и боролась лишь противъ тѣхъ установленій, которыя противорѣчили ея іерархическимъ притязаніямъ. Еще менѣе принципиальнаго сопротивленія своему покровителю—государству могла оказать протестантская чиновничья церковь или даже церковь православная. И вотъ поэтому во всемъ христіанствѣ проповѣдывалось, по отношенію любви къ ближнимъ, мораль, годная для святыхъ, на дѣлѣ же господствовала такая практика, которой могли всегда быть довольны даже наиболѣе кровожадные завоеватели.

Уже въ самомъ началѣ нашихъ изслѣдованій мы констатировали по поводу отдѣльныхъ добродѣтелей и пороковъ, что человѣческія дѣйствія, какъ массовыя проявленія, находятся въ зависимости отъ соотношеній социальныхъ силъ. Поэтому тотъ, кто хочетъ побудить людей посредствомъ нравственныхъ предписаній дѣйствовать въ противорѣчій съ этими соотношеніями социальныхъ силъ, тотъ, будь онъ даже великимъ основателемъ религіи, если и встрѣтитъ, можетъ быть, удивленіе со стороны современниковъ и потомковъ, то никогда, однако, не найдетъ дѣйствительнаго послушанія.

Насколько безуспѣшнымъ является рекомендовать людямъ чрезмѣрную любовь къ ближнимъ въ противорѣчіе всему правовому и нравственному порядку, весьма хорошо понялъ великій китайскій мудрецъ Конфуцій ¹⁾. Лаотси, мудрецъ, жившій ранѣе его, училъ, подобно Христу, что на враждебное отношеніе должно отвѣчать добрыми дѣлами. Когда у Конфуція спросили его мнѣніе по этому поводу, онъ отвѣчалъ: "Чѣмъ же долженъ я тогда платить своимъ друзьямъ? На добро отвѣчайте добромъ, а на зло—справедливостью"

Это трезвое положеніе Конфуція навѣрно не вызоветъ ни у кого удивленія, наоборотъ, на дѣлѣ до этой нравственной ступени можетъ подняться всякій средній человѣкъ.

¹⁾ Сравн. Габеленцъ: „Конфуцій и его ученіе“ (1888 г.), стр. 44.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Ложь.

Ложь есть одно изъ важнѣйшихъ социальныхъ явленій міра. Гдѣ сила, тамъ и ложь. Большая часть социальныхъ условій въ нашихъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ государствахъ покоится на сознательной неправдѣ. И, къ сожалѣнію, можно сказать съ достовѣрностью, что даже при господствѣ наиболѣе демократическихъ учрежденій господство лжи, хотя и уменьшается, но никогда не можетъ быть вполне уничтожено.

Слѣдуетъ различать ложь общественную и частную. Первая должна служить интересамъ расы, государства, церкви, сословій, партій и ихъ властителей, вторая, напротивъ того, — интересамъ отдѣльныхъ лицъ. Въ чью пользу больше всего гнуть истину въ общественной и частной жизни, тотъ является самымъ могущественнымъ въ странѣ, и, начиная съ него, огромная лѣстница лжи и обмана спускается внизъ къ послѣднимъ бѣднякамъ и обойденнымъ, которымъ всегда приходится слышать одну только правду, и которые самое большее, что отъ своихъ семей и ближайшихъ друзей удостоиваются жалкаго лганья частнаго характера.

Общественная ложь бываетъ политическаго, религіознаго, научнаго и также художественнаго характера. Ея различныя формы относятся скорѣе къ теоретической философіи, чѣмъ къ морали, и поэтому я сохраняю за собой право разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ ея далеко простирающееся господство въ человѣческой жизни. Теперь же я намѣреваюсь лишь кратко характеризовать ея важнѣйшія разновидности и привести для этого одинъ—другой разительный примѣръ. Моралисты древняго и новаго времени были достаточно предусмотрительны, чтобы не заниматься вовсе общественной ложью, а всю свою ненависть и презрѣніе—направить исключительно на сравнительно безвредную ложь частнаго характера.

Одной изъ важнѣйшихъ разновидностей общественной лжи является ложь политическая, принимающая чрезвычайно разнообразныя формы. Такъ, напр., въ большей части монархическихъ государствъ имѣетъ силу принципъ, что

монархъ не можетъ поступать несправедливо (the king can do no wrong), хотя въ любомъ историческомъ трудѣ можно найти массу доказательствъ тому, что государственные перевороты и тому подобныя правонарушенія исходятъ именно отъ монарховъ, и что министры играютъ при этомъ только побочную роль, будучи простыми орудіями. Нарушеніе почтительности по отношенію къ монарху и возбужденіе ненависти и презрѣнія противъ правительства караются въ большинствѣ монархическихъ государствъ даже въ томъ случаѣ, если такія, подлежащая наказанію, сужденія были совершенно заслужены и соотвѣтствовали истинѣ. И въ демократическихъ республикахъ извѣстная доля неправды по отношенію къ суверенному народу является постоянной практикой, разумѣется, въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ монархіи, потому что въ республикѣ государственная власть менѣе концентрирована.

Главнымъ проявленіемъ религіозной лжи можно считать то направленіе, котораго держатся въ вопросахъ культа и религіи властвующие классы всѣхъ христіанскихъ и культурныхъ странъ по отношенію къ подвластнымъ. Здѣсь почти повсюду царитъ тотъ принципъ, что для народа религія необходима, хотя сами правящіе слои населенія, которые навязываютъ народу вѣру въ Откровеніе, давно уже въ громадномъ большинствѣ потеряли ее. Понятно, что въ связи съ этимъ стремленіемъ у правящихъ классовъ стоитъ лицемерное ханжество по отношенію къ религіи и культу.

Научная ложь порождается отношеніемъ науки къ церкви и государству. Такъ, наприимѣръ, когда Картезіи въ своихъ появившихся около середины XVII столѣтія философскихъ сочиненіяхъ захотѣлъ подвергнуть сомнѣнію всякое до той поры бывшее познаніе и исключилъ изъ этого всеобщаго сомнѣнія только извѣстное положеніе: „я мыслю, значить я существую“ (*cogito, ergo sum*), то онъ изъялъ также отъ всякаго сомнѣнія и догмы католической церкви¹⁾; и это вполне понятно, потому что послѣдняя еще въ 1600 г. сожгла философа Джіордано Бруно, въ 1619 году—Ванини, наконецъ, въ 1632 и 1633 годахъ, т.-е. незадолго до появленія перваго сочиненія Картезія (1637), подвергнула судеб-

---

¹⁾ Картезіи: Разсужденіе о методѣ (1637), гл. 3.

ному процессу Галилея. Во вторую половину 18-го столѣтія боязливое полублагочестіе Канта даетъ намъ ясное указаніе на то, что просвѣтительная эпоха сильно поколебала внѣшнее могущество христіанской церкви, но еще не разрушила его; поэтому осторожность Канта въ религіозныхъ вопросахъ не могла защитить его отъ взысканій со стороны его государя. Наконецъ, въ 19-мъ столѣтіи Шопенгауэръ и Ницше своимъ отношеніемъ къ христіанству, представлявшимъ сплошную насмѣшку и пренебреженіе, несмотря на то, что оба они были консервативныхъ взглядовъ, дали ясное доказательство тому, что за это время французская революція и связанное съ ней движеніе почти совершенно уничтожили внѣшнее могущество христіанской церкви. Поэтому въ настоящее время основныя научныя воззрѣнія вполне естественно находятся подъ несравненно большимъ вліяніемъ государства, не только не потерявшаго за послѣднія столѣтія своей фактической силы, но, напротивъ, весьма значительно ее увеличившаго.

Хотя частная ложь должна всегда служить интересамъ отдѣльныхъ личностей, но вызывается она частью общественно-правовыми, частью—частно-правовыми соотношеніями силъ. Часто самъ властвующій требуетъ лжи отъ своихъ подвластныхъ. Такъ, монархъ въ сношеніяхъ со своими подданными ожидаетъ, какъ акта естественной вѣжливости, что они будутъ превозносить его мудрость и милосердіе, даже если бы онъ въ отдаленнѣйшей степени не былъ ни мудръ, ни милостивъ. Подобной же лести, хотя и болѣе умѣренной, домогаются и его подданные, если они по своей должности или богатству имѣютъ власть надъ судьбой другихъ. Да и всякая простая горожанка или крестьянка желаетъ, чтобы прислуга приписывала ей на дѣлѣ несуществующія добродѣтели и оказывала ей уваженіе, котораго не существуетъ, или, короче говоря, основательно лгала ей.

Зачастую, однако, частная ложь служитъ для безсильныхъ средствомъ, чтобы обманывать сильныхъ міра сего въ противность ихъ волѣ. Политическія учрежденія оказываютъ въ общественной жизни громадное давленіе на низшіе слои народа, которое въ странахъ съ свободнымъ устройствомъ, конечно, значительно облегчается, благодаря участію народа

въ правленіи и законодательствѣ. Да и въ области частнаго права наемные рабочіе, жильцы, арендаторы, т.-е. подавляющее большинство населенія, находятся въ гораздо болѣе суровой зависимости отъ своихъ нанимателей и хозяевъ, чѣмъ при самомъ худшемъ политическомъ деспотизмѣ ¹⁾). И вотъ безсильные стремятся съ помощью лжи и обмана уменьшить тотъ могучій гнетъ и ослабить ту громадную отвѣтственность, которые въ теченіе столѣтій были возложены господствующими на подвластныхъ. Очень часто богатые и знатные хвалятся своей откровенностью и чистосердечіемъ въ противоположность лукавству и лживости своихъ подчиненныхъ, забывая о томъ, что это различіе, поскольку оно вообще существуетъ, представляетъ собой лишь нравственное отраженіе правовыхъ привилегій властвующихъ.

Такимъ образомъ ложь, въ ея болѣе важныхъ формахъ, ведетъ свое происхожденіе отъ политическаго и частно-правового деспотизма. Правда, Гербертъ Спенсеръ стремится приписать лживость нѣкоторыхъ народовъ исключительно политическому деспотизму ²⁾). Но кто не видитъ, что отношенія частно-правового господства захватываютъ гораздо болѣе широкіе слои народа и оказываютъ на нихъ гораздо болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ самый суровый абсолютизмъ, вліяніе котораго все-таки всегда ограничено сравнительно болѣе узкимъ кругомъ жизни.

Поэтому Гербертъ Спенсеръ, будучи врагомъ политическаго абсолютизма,—этого деспотизма въ крупномъ, является другомъ частнаго права,—какъ деспотизма въ мелкомъ.

Если мы подумаемъ объ этомъ далеко простирающемся господствѣ лжи въ общественной и частной жизни,—господствѣ, отъ котораго свободенъ едва ли вообще кто-нибудь, а уже меньше всего всякая личность, дѣйствующая на публичной аренѣ, то, воистину, намъ покажется каррикатурнымъ преувеличеніемъ та безпощадная суровость, съ которой нѣкоторые проповѣдники морали нападали какъ разъ на наиболѣе безвредныя формы частной лжи. Такъ, напримѣръ, Кантъ, въ своей статьѣ: „О мнимомъ правѣ лгать изъ

¹⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, II, 9.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ: „Основанія этики“. Т. I (1892), § 160.

человѣколюбія" (1797), полагаетъ, „что было бы преступленіемъ обмануть убійцу, который спросилъ бы насъ, не скрылся ли нашъ другъ, преслѣдуемый имъ, въ нашемъ домѣ“.

Но осуществлялъ ли Кантъ въ своей собственной жизни эту любовь къ правдѣ, доходящую до уродства? Какъ ученикъ Руссо, онъ былъ весьма радикаленъ по своимъ политическимъ взглядамъ и открыто выражалъ ихъ какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ непредназначенныхъ для гласности сочиненіяхъ ¹⁾. И, тѣмъ не менѣе, въ своемъ „Ученіи о правѣ“, написанномъ и опубликованномъ въ царствованіе Фридриха Вильгельма II (1797), Кантъ заступался за грубый абсолютизмъ и дошелъ даже до такихъ положеній, возбуждающихъ ужасъ своей необузданностью, что будто бы правитель пользуется въ государствѣ одними лишь правами и не имѣетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ подданнымъ, которые, даже при его явно противозаконныхъ дѣйствіяхъ, могутъ лишь жаловаться, но не оказывать ему какое-либо сопротивленіе ²⁾. Это приспособленіе Канта къ политическимъ теченіямъ своей страны и своего времени является по принципамъ традиціонной нравственности, конечно, несравненно болѣе достойнымъ порицанія, чѣмъ та вынужденная ложь, которая могла бы спасти другу жизнь. Съ точки зрѣнія теоріи силы, конечно, и тотъ и другой образъ поведенія одинаково понятны, потому что оба вызваны соотношеніями силъ, въ одномъ случаѣ — длительными, въ другомъ — временными.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Клятвопреступленіе.

Наиболѣе тяжелой формой лжи является клятвопреступленіе. Въ числѣ видовъ присяги различаютъ клятвенное обѣщаніе и клятвенное показаніе; въ первомъ случаѣ даю-

¹⁾ См. фрагментъ „о свободѣ“, найденный въ посмертныхъ твореніяхъ Канта, изданный въ полномъ собраніи его твореній Розенкранцемъ, т. 11, отд. I (1842), стр. 253—255; далѣе Яхманнъ: Иммануилъ Кантъ въ его письмахъ (1804), стр. 125 и слѣд.

²⁾ Кантъ: Ученіе о правѣ, § 49; срав. также ниже III, 3.

щій клятву обѣщаетъ, призывая имя Божіе, совершить извѣстное дѣйствіе въ будущемъ, во второмъ — подтверждаетъ, призывая имя Божіе, истинность какого-либо прошедшаго или настоящаго факта. Примѣромъ клятвеннаго обѣщанія является, напр., присяга на вѣрность и послушаніе, приносимая чиновникомъ или офицеромъ своему государю; клятвенное же утвержденіе имѣетъ мѣсто тогда, когда свидѣтель или одна изъ тяжущихся сторонъ присягаетъ передъ судомъ, напр., въ томъ, что кредитору дѣйствительно уплачена извѣстная сумма денегъ.

Клятвенное обѣщаніе, важнѣйшимъ видомъ котораго является присяга чиновниковъ и присяга знамени, принадлежитъ преимущественно къ области общественной жизни, между тѣмъ какъ клятвенное показаніе играетъ роль по большей части лишь въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, т. - е. въ ограниченномъ кругу индивидуальнаго существованія. Поэтому нарушеніе долга правдивости и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣетъ большое сходство съ общественной и частной ложью.

Клятвопреступленіе, состоящее въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія, является важнымъ и широко распространеннымъ видомъ безнравственности. Во всѣхъ государствахъ міра, монархіяхъ и республикахъ, правительства обыкновенно требуютъ отъ своихъ чиновниковъ, солдатъ и иногда даже отъ всего народа присягу на вѣрность, такъ что, если затѣмъ верховный глава государства или форма правленія насильственно ниспровергаются, то сотни тысячъ, даже миллионы людей совершаютъ клятвопреступленіе, такъ какъ признаютъ новое правительство и приносятъ ему новую присягу на вѣрность. Пожалуй, ни при какомъ другомъ проступкѣ противъ нравственности не выступаетъ такъ ясно на первый планъ тотъ фактъ, что нравственность по своему существу есть лишь проявленіе силы: громадныя массы гражданъ, достойныхъ уваженія въ другихъ отношеніяхъ, совершаютъ самый отвратительный поступокъ потому, что этого требуютъ отъ нихъ измѣнившіяся отношенія политическихъ силъ.

Такъ, напр., во Франціи со времени начала великой революціи смѣнялись одно за другимъ королевство, респу-

блика, консульство и имперія, затѣмъ бурбонское и буржуазное королевство, вторая республика, вторая имперія, наконецъ, третья республика; каждый изъ этихъ переворотовъ сопровождался милліонами нарушеній клятвъ и присяги на вѣрность. Когда Ганноверскій король, Эрнстъ Августъ, противузаконно отмѣнилъ (1837) конституцію 1833 г., утвержденную взаимной клятвой, чтобы получить обратно государственныя имущества и заплатить ими свои долги, то лишь семь профессоровъ Геттингенскаго университета („семь Геттингенцевъ“) отказались принести новую присягу на службу и вѣрность. Въ 1848 году приведеніе чиновниковъ и военныхъ къ присягѣ новымъ конституціямъ было легко достигнуто, но это ничуть не помѣшало устраненію этихъ послѣднихъ при помощи государственныхъ переворотовъ ближайшихъ лѣтъ. Столь же мало принесли пользы итальянскимъ и нѣмецкимъ князьямъ, которые революціей и завоеваніемъ были съ 1859—1866 года изгнаны изъ своихъ владѣній, тѣ безчисленныя клятвы въ вѣрности, которыя были даны имъ чиновниками, солдатами и корпораціями.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, которыхъ можно легко привести въ тысячу разъ больше, только ничтожное меньшинство оставалось вѣрнымъ своей клятвѣ; съ полнымъ правомъ такія исключительныя натуры стоятъ высоко въ памяти народовъ. Насколько распространена увѣренность въ томъ, что всякому сколько-нибудь значительному обладателю власти будетъ дана клятва на вѣрность, хотя бы она и находилась въ явномъ противорѣчій съ данною раньше присягой, показываетъ ясно тотъ фактъ, что многочисленные политики совершенно отвергаютъ клятву въ политической вѣрности, какъ безцѣльное насиліе совѣсти.

Гораздо суровѣе осуждается правомъ и нравственностью клятвopеcтyпленіе въ видѣ ложнаго клятвеннаго показанія, хотя оно обыкновенно употребляется лишь въ сравнительно маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ. За ложнымъ клятвеннымъ показаніемъ уже не скрывается, какъ ранѣе, сила верховнаго властителя, напротивъ того, тяжущіяся стороны совершенно равноправны, и поэтому потерпѣвшій всегда въ состояніи преслѣдовать клятвopеcтyпника всѣми путями, указанными закономъ. Поэтому нравственное

сужденіе большинства людей находится въ зависимости отъ измѣненія правовыхъ условій. Только въ томъ случаѣ, если въ какомъ-либо гражданскомъ или уголовномъ процессѣ дѣло идетъ о жизненныхъ интересахъ могущественныхъ особъ и сообществъ, оказывающихъ сильное давленіе на дающаго клятву, тогда ложное показаніе, какъ извѣстно по опыту, карается мягче, и даже нѣтъ недостатка въ установленіяхъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы въ этихъ случаяхъ прямо помѣшать совершенной непристрастности свидѣтельскаго показанія.

При переворотахъ въ высшихъ государственныхъ сферахъ довольно часто можетъ случиться, что судья, нарушившій сегодня присягу при обстоятельствахъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для его отечества, будетъ завтра налагать позорящее наказаніе на обывателя, давшаго ложное показаніе въ какомъ-нибудь пустяковомъ гражданскомъ процессѣ.

Въ подобныхъ случаяхъ съ особенной очевидностью выступаетъ на первый планъ столь много разъ упомянутая мною мысль, что по существу своему сила и нравственность покрываютъ взаимно другъ друга.

Седьмая глава.

Корыстолюбіе.

При социалистическомъ общественномъ строѣ корыстолюбіе должно было бы значительно уменьшиться въ сравненіи съ нынѣшними его размѣрами. Если считать возможнымъ осуществленіе совершенно равнаго распредѣленія предметовъ потребленія между всѣми членами общества, иначе говоря, осуществленіе чисто коммунистическаго хозяйственнаго строя, то при немъ алчность исчезла бы вмѣстѣ съ возможностью ея удовлетворенія. Но и въ собственно социалистическомъ строѣ общества, допускающемъ неравенство хозяйственныхъ правъ¹⁾, вся экономическая жизнь была бы ограничена работой и заработной платой; и благодаря этому

¹⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, изданіе 2-е (1904), I, 4, 11.

корыстолюбіе должно было бы, съ потерей своихъ самыхъ соблазнительныхъ приманокъ, перейти въ разумное стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Подробнѣе рѣчь объ этомъ будетъ въ третьей книгѣ (III, 9), гдѣ я рассматриваю средства къ улучшенію нашего нравственнаго состоянія.

При нашемъ же нынѣшнемъ общественномъ строѣ экономическое положеніе всякаго индивида покоится, наоборотъ, на заработной платѣ или на доходѣ безъ труда. А именно, къ заработной платѣ относится доходъ, являющійся вознагражденіемъ за трудъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ рабочихъ, служащихъ и солдатъ; къ заработной же платѣ надо причислить расходъ на содержаніе и воспитаніе, доставляемое будущему работнику въ его юности, равно какъ и попеченіе о немъ въ случаяхъ болѣзни, несчастія, старости и неспособности къ труду. Къ доходу же безъ труда слѣдуетъ отнести земельную ренту и прибыль на капиталъ, синекуры, чрезмѣрно оплачиваемыя должности и вообще всѣ доходы, получаемые безъ соотвѣтствующей затраты труда. Шмоллеръ, стоящій въ социальномъ вопросѣ на чисто консервативной точкѣ зрѣнія, считаетъ, что изъ 25 милліардовъ германскаго національнаго дохода 18 млд. приходятся на заработную плату и лишь 7 млд. на доходы безъ труда ¹⁾).

Наоборотъ, социалистъ Чарльсъ Голль принимаетъ по отношенію къ современной ему Англіи (1805 г.), что лишь $\frac{1}{8}$ національнаго дохода приходится на долю трудящихся классовъ, а все остальное ($\frac{7}{8}$)—на долю богатыхъ, въ качествѣ дарового дохода ²⁾).

Въ тѣхъ кругахъ человѣчества, экономическое положеніе которыхъ основывается преимущественно на заработной платѣ, алчность почти никогда не переходитъ извѣстныхъ границъ. Здѣсь имѣетъ силу принципъ, гласящій, что повышение жизненныхъ условій требуетъ одновременнаго увеличенія или улучшенія качества работы, и поэтому хозяйственной фантазіи никогда здѣсь нѣтъ возможности разрастись

---

¹⁾ Шмоллеръ: „Основанія общаго ученія о народномъ хозяйствѣ“, 1904 г., стр. 887, 888.

²⁾ Менгеръ: „Право на полный продуктъ труда“, 3-е изд. (1904), § 4.

до безпредѣльности. Такимъ образомъ, преобладающимъ недостаткомъ у семей рабочихъ, чиновниковъ и офицеровъ является не алчность, а скорѣе чрезмѣрная бережливость, скопидомство.

Напротивъ того, является вполне понятнымъ, что изъ-за дохода безъ труда идетъ жестокая борьба между сельско-хозяйственными, промышленными и коммерческими предпринимателями. Въ Германіи семейство, обладающее 7.000 марокъ дохода безъ труда въ годъ, можетъ вести хотя простую, но здоровую, пріятную и, что самое главное, независимую жизнь. Такихъ положеній, однако, по подсчетамъ Шмоллера, который является рѣшительнымъ противникомъ социализма, нашлось бы въ Германіи, при равномъ ихъ распредѣленіи, не менѣе одного милліона; по всей вѣроятности, это число слѣдовало бы значительно увеличить, можетъ быть, даже удвоить. Чѣмъ выше размѣръ ежегоднаго дохода безъ труда, тѣмъ выше и благосостояніе и власть его обладателя, такъ что люди, стоящіе на высшихъ ступеняхъ этой денежной іерархіи, какой-нибудь Ротшильдъ, Круппъ, Вандербильдтъ, могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ императорами и королями. И государство не отваживается подчинить этихъ экономическихъ королей даже тѣмъ легкимъ ограниченіямъ, которыми почти повсюду окружены со времени первой французской революціи политическіе суверены. Кого можетъ по этому удивить, что цѣли, которыя непрерывно витаютъ передъ предпринимателемъ, разнуздываютъ у него страшную, переходящую всѣ границы жажду пріобрѣтенія?

Эта неистовая борьба за обладаніе даровымъ доходомъ и является важнѣйшей двигательной пружиной, приводящей въ движеніе экономическую жизнь индивидовъ, цѣлыхъ странъ и частей свѣта. Чѣмъ выше въ этой денежной іерархіи положеніе индивида, тѣмъ легче можетъ онъ попираť законы традиціонной нравственности при стремленіяхъ къ поддержанію и увеличенію своего дарового дохода.

Въ этихъ стремленіяхъ всего свободнѣе, естественно, чувствуетъ себя само государство. Почти всякое государство, будучи постигнуто тяжелыми и продолжительными катастрофами, причиняетъ своимъ подданнымъ и кредиторамъ убытки такими дѣйствіями, за которыя оно обычно само приказываетъ

ваетъ своимъ судамъ налагать тяжкія наказанія. Такъ, напр., въ третьемъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія римскіе императоры самымъ дѣйствительнымъ образомъ подготовили паденіе древней имперіи, производя въ ужасныхъ размѣрахъ чеканку фальшивой монеты. Но и въ средніе вѣка и долгое время въ теченіе новой исторіи чеканка фальшивой монеты оставалась излюбленнымъ средствомъ у всѣхъ правительствъ, когда нужно было достать денегъ. Лишь въ послѣднія два столѣтія мѣсто этого способа заняло государственное банкротство, будь то въ видѣ выпуска правительствомъ большихъ массъ бумажныхъ денегъ, которыя, какъ оно само знаетъ, оно никогда не будетъ въ состояніи совершенно погасить, будь то въ видѣ сокращенія государственнаго долга путемъ уменьшенія подѣ различными предлогами занятой суммы или процентовъ. Вообще современное государство, благодаря своей чудовищной и постоянно увеличивающейся задолженности, постепенно переходитъ въ трудное положеніе биржевого дѣльца съ пассивнымъ балансомъ, которому приходится поддерживать свой кредитъ всѣми дозволенными и недозволенными средствами.

Верхи денежной іерархіи обладаютъ, подобно государству, такой же, хотя и болѣе ограниченной привилегіей. Уже издавна пользовались они государствомъ и законодательствомъ въ цѣляхъ поддержанія и увеличенія своего безработнаго дохода. Такъ, средневѣковой феодальный и цеховой строй, наряду съ политическими и военными цѣлями, преслѣдовалъ и экономическую задачу—выжать для дворянства и цеховыхъ мастеровъ изъ подчиненныхъ классовъ возможно большій даровой доходъ. А въ настоящее время та же цѣль достигается легче, чѣмъ въ средніе вѣка, и притомъ безъ всякаго непріятнаго для привилегированныхъ классовъ соприкосновенія съ эксплуатируемыми массами—при помощи сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ пошлинъ, посредствомъ вывозныхъ премій и освобожденій отъ налога.

Но и простая, чисто хозяйственная дѣятельность высшихъ слоевъ общества свободна отъ многихъ препонъ, которыми право и нравственность окружаютъ всю область дѣятельности низшихъ классовъ народа. Крупные землевладельцы и финансисты, богатые промышленники и негоціанты

лишь въ незначительной степени подлежат нравственному и уголовному суду своихъ согражданъ. Эти могущественные круги, вліяніе которыхъ царить въ высшихъ слояхъ общества, большей частью сами создаютъ общественное мнѣніе по поводу всѣхъ своихъ дѣйствій, и столь же мало приходится имъ бояться уголовного законодательства, такъ какъ понятія преступленія сложились большею частью въ старое время, при болѣе простыхъ отношеніяхъ. А если уголовный судъ попробуетъ наложить свою руку на эти высокія сферы, то тонкость и запутанность состава преступленія, хитрость преступниковъ и сильнѣйшая защита быстро показываютъ намъ, что наше уголовное преслѣдованіе годно лишь для болѣе простыхъ видовъ воровства и мошенничества. А между тѣмъ именно противъ этихъ высокихъ слоевъ общества, гдѣ преимущественно кипитъ борьба изъ-за дохода безъ труда, особенно необходима сильная нравственная и уголовная репрессія.

Такимъ образомъ, мы и здѣсь видимъ, что высшіе общественные слои могутъ безъ какихъ-либо дѣйствительныхъ ограниченій проявлять свою алчность, и что одни лишь слабые элементы подъ давленіемъ соотношеній социальныхъ силъ неизбѣжно принуждаются къ хозяйственному самоограниченію или, если угодно, къ безкорыстію.

Восьмая глава.

Цѣломудріе.

Буддизмъ и католицизмъ ставятъ цѣломудріе въ первомъ ряду добродѣтелей, такъ какъ сословіе, стоящее во главѣ ихъ церковныхъ общинъ, священники и монахи, ведутъ, или, по крайней мѣрѣ, должны вести, цѣломудренную жизнь. Протестантизмъ, основатель котораго, Лютеръ, вопреки монашескому обѣту, женился на своей Кэте и наплодилъ съ ней изрядное число дѣтей, конечно не можетъ разсматривать цѣломудріе какъ добродѣтель самое по себѣ, но все же онъ требуетъ, чтобы половая жизнь протекала въ упорядоченныхъ формахъ единобрачія.

Приверженцы же ислама, религии мужей по преимуществу, пророкъ которой, Магометъ, велъ весьма безпутную половую жизнь, по большей части едва ли могутъ понять, какъ это можно причислять цѣломудріе къ добродѣтелямъ.

Несмотря на это различіе религіозныхъ системъ морали, половая нравственность опредѣляется все-таки, въ главнѣйшемъ, соотношеніями социальныхъ силъ. Поэтому очень легко можетъ случиться, что среди католическаго населенія, гдѣ патеры восхваляютъ цѣломудріе и поощряютъ культъ Маріи, состояніе половой нравственности будетъ гораздо хуже, чѣмъ въ какой-либо странѣ ислама, который общаетъ вѣрующимъ въ него, что даже въ раю для ихъ забавы будетъ достаточное количество дѣвушекъ.

Лишь подъ слабымъ вліяніемъ соотношеній социальныхъ силъ находится такъ называемая романтическая любовь, неизвѣстная ни грекамъ, ни римлянамъ, ни восточнымъ народамъ еще и по настоящее время, которая у христіанскихъ народовъ развилась со времени среднихъ вѣковъ. Сущность ея состоитъ въ томъ, что въ отношеніяхъ мужчины и женщины естественная цѣль любви, половое сношеніе, отступаетъ на задній планъ передъ идеальнымъ наслажденіемъ взаимнаго общенія. Эта романтическая любовь прославлена въ поэзій, благодаря безчисленнымъ любовнымъ стихотвореніямъ, подобно тому, какъ столь прозаическое и еще болѣе вредное времяпрепровожденіе за виномъ и пивомъ разукрашено и идеализировано въ умахъ людей, благодаря застольнымъ пѣснямъ. Поэтому, разъ въ романтической любви дѣло идетъ о причудливомъ, возросшемъ благодаря внушенію чувствъ, то вполне понятно, что факторы реальныхъ силъ человѣческой жизни могутъ имѣть здѣсь лишь ограниченное вліяніе.

Но на ряду съ романтической любовью несется еще широкій потокъ обычной половой безнравственности, находящейся уже въ полной зависимости отъ соотношеній социальныхъ силъ. Можно смѣло сказать, что всякое соотношеніе социальной силы, основывается ли оно на богатствѣ или на политическомъ, религіозномъ или социальномъ вліяніи, влечетъ за собою обязательно извѣстную степень половой безнравственности. У римлянъ было признаннымъ обычаемъ,

что владѣлец могъ пользоваться своими рабынями для удовлетворенія своей половой потребности; только въ томъ случаѣ, если онъ принуждалъ раба мужескаго пола противъ его воли къ неестественному разврату, то это возбуждало нѣкоторый шумъ, но все же не вызывало никакого фактического противодѣйствія ¹⁾. Такое же положеніе держалось въ теченіе среднихъ вѣковъ при существованіи рабства и крѣпостной зависимости и доходило въ отдѣльныхъ случаяхъ даже до установленія правового института первой ночи (*jus primae noctis*). Вліяніе же современныхъ предпринимателей и работодателей, будучи безконечно слабѣе прежняго, все-таки еще достаточно велико, чтобы зачастую приводить къ подобнымъ же съ ихъ стороны злоупотребленіямъ. Вообще говоря, всякій богатый человѣкъ, не направляющій свои вождѣлѣнія въ духѣ романтической любви на одну опредѣленную женщину, можетъ еще и сейчасъ, какъ только онъ пожелаетъ, купить себѣ на сторонѣ сколько угодно полового наслажденія.

Всѣ такіе факты уклоняются отъ точнаго наблюденія и не могутъ, разумѣется, быть статистически твердо установлены. Но что богатые и знатные и въ настоящее время еще не отказались отъ того, чтобы до законнаго брака и во время его вступать въ широкихъ размѣрахъ въ свободныя половыя отношенія съ женщинами болѣе бѣдныхъ слоевъ народа, то яснымъ доказательствомъ этому, если оно вообще здѣсь требуется, является весь ходъ развитія гражданскаго и уголовного законодательства. Конечно, въ наше время нѣтъ уже рабства, крѣпостной зависимости и другихъ подобныхъ отношеній господства, необходимо вызывавшихъ въ прежніе вѣка половую безнравственность въ массовыхъ размѣрахъ, но зато теперь въ новѣйшемъ законодательствѣ устранены всѣ препятствія, противодѣйствовавшія такимъ порокамъ. Напрасно требоваль я при обсужденіи германскаго гражданскаго уложенія, чтобы часть такихъ ограниченій была снова восстановлена, и тѣмъ было дано доказательство, что имѣется въ виду защищать не только имущественные интересы богатыхъ противъ нарушеній ихъ со стороны бѣд-

¹⁾ Сравн., напр., Светоній „Вителлій“, глава 12.

ныхъ, но и половые интересы этихъ послѣднихъ противъ покушеній на нихъ со стороны первыхъ. Мнѣ ничего не отвѣтили на мои обвиненія, но, съ другой стороны, и мои предложенія, поскольку они касались половой жизни, не были включены въ гражданское уложеніе ¹⁾.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Надменность.

Нашъ общественный строй, зиждущійся на силѣ владѣнія, вліянія и образованія, отражается обратно въ душѣ своихъ участниковъ и рождаетъ въ нихъ сознаніе своего общественнаго положенія. Это сознаніе можно было бы до извѣстной степени называть чувствомъ, или сознаніемъ своего ранга. Насколько это чувство ранга склонно къ преувеличенію и вырожденію, показываетъ намъ ясно тотъ фактъ, что въ нѣмецкомъ языкѣ только для высокомѣрія—Hochmut и для униженія, т.-е. для соотвѣтствующаго ему порока,—Demut, выработаны особыя обозначенія.

Если чувство ранга выше даннаго въ дѣйствительности социальнаго положенія, то мы называемъ его обыкновенно высокомѣріемъ или надменностью. Слѣдуетъ ясно отличать его отъ карьеризма, этой распространеннѣйшей социальной болѣзни нашего времени; послѣднее состоитъ въ стремленіи достигъ нечистыми средствами болѣе высокаго положенія въ нашемъ строѣ, основанномъ на силѣ и мощи. Если же сознаніе ранга падаетъ ниже уровня социальнаго положенія, то передъ нами смиреніе или униженіе. Если этимъ путемъ смиренный рассчитываетъ достигъ внѣшнихъ выгодъ, а именно желаетъ снискать благосклонность могущественныхъ особъ, то смиреніе превращается въ низкопоклонство.

Страшнѣйшимъ вырожденіемъ высокомѣрія является, понятно, безуміе царей, чему знаменитымъ примѣромъ служить императорская династія Юліевъ-Клавдіевъ, начиная съ Тиверія и кончая Нерономъ. Особенно развивается надмен-

¹⁾ Менгеръ: „Гражданское право и неимущіе классы народа“, 3 изд., 1904 г., № 17—27; „Новое ученіе о государствѣ“, 2 изд. (1904), II, 14.

ность у выскочекъ, соединяющихъ въ себѣ энергическое стремленіе низшихъ сословій впередъ и самосознаніе высшихъ; и дѣйствительно, фамилія Юліевъ-Клавдіевъ была именно такой династіей выскочекъ, права которой на престолъ до самой ея гибели оставались спорными. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что власть римскихъ императоровъ, будучи неограниченной внутри государства, не имѣла извнѣ равнородныхъ соперниковъ. Въ современныхъ деспотіяхъ, напр., въ Россіи или въ Турціи, подобное возрастаніе самомнѣнія не можетъ такъ легко случиться, потому что здѣсь никогда не бываетъ недостатка въ иностранныхъ соперникахъ равной или даже превосходящей силы. Впрочемъ, нѣкоторые слѣды безумія царей,—этого выскокомѣрія безотвѣтственности,—можно наблюдать у большей части весьма богатыхъ и могущественныхъ особъ.

Естественно, что въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества высокоомѣріе никогда не можетъ достигъ подобной силы. Но зато здѣсь съ преувеличеннымъ сознаніемъ ранга соединяется очень часто стремленіе обмануть другихъ относительно собственнаго положенія въ іерархіи силы; большинство людей желаетъ, вопреки границамъ существующей дѣйствительности, казаться и богатыми, и могущественными, и образованными, и знаменитыми. Этому стремленію къ высшимъ ступенямъ нашего строя силы слѣдуетъ приписать много несчастія и раззореній въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества.

Еще гибельнѣе отражается на важнѣйшихъ интересахъ общества карьеризмъ. Въ социалистической литературѣ уже часто описывалась и клеймилась неистовая, не стѣсняющаяся никакими средствами борьба на почвѣ конкуренціи изъ-за достиженія экономическихъ благъ. Но мы можемъ отмѣтить въ обществѣ подобное же безудержное стремленіе впередъ въ погонѣ за всякими другими вождельными благами: за вліятельными и доходными должностями, за выгодными браками, за славой и внѣшнимъ почетомъ. Да даже смиреніе и самоотреченіе средневѣковыхъ святыхъ основывалось часто на простомъ карьеризмѣ, такъ какъ въ тѣ времена выдающееся благочестіе доставляло высокій рангъ въ обществѣ, и нѣкоторые святые мужи въ оцѣнкѣ народовъ возвышались даже надъ папами и епископами.

Подобно тому, какъ богатство немногихъ необходимо предполагаетъ бѣдность массъ, такъ и высокомеріе высшихъ сословій не можетъ существовать, если ему не идетъ навстрѣчу соотвѣтственно смиреніе низшихъ классовъ народа. Такъ какъ нашъ строй, зиждущійся на силѣ, имѣетъ за собой традицію вѣковъ и поэтому дѣйствуетъ на мысль и фантазію широкихъ народныхъ массъ съ силою и постоянствомъ явленія природы, то народныя массы никогда не отказываютъ привилегированнымъ сословіямъ въ смиреніи и покорности. И если эти чувства начинаютъ все скорѣе исчезать въ наше время, то это вѣрный признакъ того, что шатается уже нашъ строй, основанный на силѣ и мощи.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что высокомеріе, какъ массовое явленіе, зависитъ, подобно всѣмъ другимъ порокамъ, отъ соотношеній социальныхъ силъ. Чѣмъ болѣе отдаляются другъ отъ друга самыя высшія и самыя низшія ступени общественнаго строя въ силу увеличенія власти и богатства, чѣмъ болѣе будетъ въ промежуткѣ между ними искусственныхъ преградъ и заборовъ,—тѣмъ сильнѣе будетъ развиваться надменность со всѣми ея послѣдствіями. При такихъ обстоятельствахъ является безсмыслицей проповѣдывать господствующимъ классамъ скромность или даже смиреніе, такъ какъ всѣ общественныя установленія приводятъ ихъ къ противоположному. Только въ томъ случаѣ, если бы удалось исполнить демократическимъ духомъ не только государство, но и народное хозяйство, науку, искусство, короче говоря, всю общественную жизнь, лишь тогда высокомеріе, какъ массовое явленіе, значительно ослабѣло бы, подобно тому какъ и въ настоящее время оно значительно слабѣе распространено въ демократическихъ республикахъ, чѣмъ въ аристократическихъ и военныхъ государствахъ.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

Объ улучшеніи нравственного состоянія.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Предварительныя замѣчанія.

Безотрадна набросанная мною на предыдущихъ страницахъ картина нравственного состоянія человѣчества вообще и народовъ западной культуры въ особенности. Мы видѣли, что сила и нравственность, является ли она въ видѣ морали общественной или морали индивидуальной, обыкновенно совпадаютъ. Конечно, во всякое время изъ великаго людского моря выдѣляются отдѣльныя святые и благородныя личности, которыя противятся этому бурному потоку силы и стремятся строить свою жизнь согласно своимъ собственнымъ нравственнымъ идеаламъ. Но человѣческое поведеніе, какъ массовое явленіе—а лишь какъ таковое входитъ оно въ область науки о нравственности,—находится въ полной зависимости отъ соотношеній социальныхъ силъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о необходимости улучшенія нравственного состоянія человѣчества, то слѣдуетъ прежде всего поставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ могутъ быть преобразованы факторы социальной мощи въ цѣляхъ нравственной реформы.

Но прежде чѣмъ обратиться къ этой задачѣ, я хочу предварительно разсмотрѣть нѣкоторыя важныя попытки, произведенныя съ цѣлью нравственной реформы въ прежнія времена. Нравственность не ограничена, въ противоположность праву и государству, пространствомъ и временемъ, и

поэтому всякая попытка ея улучшенія имѣть значеніе, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, для жизни всего человѣческаго рода. Поэтому едва ли индивидъ можетъ поставить себѣ, въ своемъ скоротечномъ существованіи, болѣе высокую цѣль, чѣмъ улучшеніе нравственнаго состоянія общества. Вѣдь что такое представляютъ изъ себя короли, государственные люди, полководцы, короче, всѣ тѣ люди, которыхъ суета нынѣшняго дня выдвигаетъ на первый планъ, въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ въ исторіи человѣчества Будда, Христосъ, Магометъ и Конфуцій, несмотря на ихъ въ основѣ ограниченное вліяніе?

Есть два главныхъ средства для реформы нравственности: проповѣдь болѣе высокой нравственности и преобразование соотношеній социальныхъ силъ.

Всякая религіозная или философская система морали должна имѣть въ виду преимущественно тотъ или другой способъ дѣйствій. По отношенію къ этому вопросу я хочу рассмотреть именно тѣ три міровыя религіи, буддизмъ, христіанство и исламъ, которыя въ своей совокупности обнимаютъ подавляющую массу человѣчества.

Исламъ, самая юная изъ міровыхъ религій, стремится къ достиженію своихъ цѣлей преимущественно путемъ насилія. Еще Магометъ былъ почти исключительно государственнымъ мужемъ и полководцемъ и лишь очень мало обращался къ проповѣди; а ужъ его преемники всегда держали въ одной рукѣ Коранъ, а въ другой мечъ. Но эти насильственные средства имѣли своей цѣлью лишь поставить исламъ на мѣсто прежнихъ религій, а вовсе не улучшить нравственное состояніе покоренныхъ народовъ при помощи преобразования соотношеній социальной силы.

Христосъ и его ближайшіе преемники пользовались для распространенія своего ученія лишь проповѣдью, не обращаясь къ средствамъ политической и военной силы. До времени царствованія Константина I (306—337 послѣ Р. Хр.), который впервые предоставилъ христіанству безграничную мощь римскаго государства, новая религія завоевала себѣ при помощи поученія и убѣжденій едва 10 процентовъ населенія имперіи. Начиная съ этого момента, насильственное обращеніе стало ея господствующимъ приѣмомъ. Уже въ

слѣдующемъ столѣтіи подавляющее большинство населенія (90 процентовъ) было загнано въ христіанскую церковь при помощи всѣхъ возможныхъ насильственныхъ мѣръ со стороны государства, ставшаго христіанскимъ; да и позднѣе, при появленіи христіанства на сѣверѣ Европы и потомъ въ 15 и 16 столѣтіяхъ въ Америкѣ, оно распространялось преимущественно путемъ войны и всякаго рода государственныхъ насилій. Но и здѣсь, какъ въ исторіи ислама, эти насилія преслѣдовали не достиженіе нравственныхъ цѣлей, а только расширеніе власти церкви и связаннаго съ ней государства.

Наконецъ, буддизмъ, древнѣйшая міровая религія, съ самаго своего возникновенія и до сего дня твердо придерживается принципа добровольнаго обращенія. Онъ не называлъ себя, какъ христіанство, безчисленное множество разъ религіей любви, но дѣйствовалъ всегда какъ таковая. Со справедливой гордостью указываютъ буддисты на то, что для распространенія ихъ религіи никогда не велось войнъ, и не совершалось другихъ жестокостей ¹⁾. Естественно, что буддизмъ, отказывающійся отъ всякаго примѣненія насилія, могъ стремиться къ возвышенію нравственности лишь путемъ проповѣди, а не преобразованія соотношеній соціальныхъ силъ.

Такимъ образомъ, христіанство и исламъ совершили для своего распространенія безчисленное множество насилій, однако же соотношенія соціальныхъ силъ и связанныя съ ними нравственныя условія остались незатронутыми. Эти религіи оставили въ полной неприкосновенности политическій строй, основанный на силѣ, собственность, сословныя различія и въ то же время еще удивлялись, что изъ всего этого родились ложь, алчность, высомѣріе и развратъ. Конечно, они не переставали проповѣдывать противъ этихъ пороковъ и рекомендовать на ихъ мѣсто противоположныя имъ добродѣтели, но съ одинаковымъ успѣхомъ могли бы они уговаривать огнедышащую гору не причинять все-таки такъ много вреда и несчастья. Основанія этой полной противорѣчій политики нравственности я намѣренъ пояснить на нѣсколькихъ особенно поучительныхъ примѣрахъ.

---

¹⁾ Олькоттъ: „Буддистскій катехизисъ“, нѣм. пер. Бишофа, 2 изд. (1902), стр. 84.

Христiанское ученiе о нравственности.

Положенiе основателя религiи всегда окружено большими трудностями и опасностями. Онъ хочетъ основать новую религiю, а потому необходимо долженъ стать въ противорѣчiе съ священствомъ старой вѣры. Но въ то же время онъ долженъ стремиться къ улучшенiю нравственнаго состоянiя, потому что простое преобразованiе догмъ и формъ культа почти никогда не бываетъ достаточнымъ побужденiемъ къ принятiю новой вѣры. Если онъ серьезно берется за эту задачу, то онъ долженъ произвести измѣненiя въ строѣ, основанномъ на силѣ, или стремиться ихъ произвести; но въ виду этого онъ непремѣнно становится въ сильнѣйшее противорѣчiе съ государственными органами, хранителями и защитниками соотношенiй социальныхъ силъ. Эти опасности настолько велики и такъ очевидны, что случаи основанiя религiй сравнительно рѣдки, хотя счастливымъ ихъ основателямъ предстоитъ въ будущемъ положенiе боговъ или полубоговъ.

Христу пришлось бороться въ обоихъ направленiяхъ, пожалуй, съ наиболѣе тяжелыми обстоятельствами. Въ духовной области противъ него выступало фанатическое, хорошо организованное сословiе священниковъ, въ свѣтской же—ему пришлось считаться, по крайней мѣрѣ въ послѣдней инстанцiи, съ громадной силой римскаго государства. Напротивъ того, Буддѣ, королевскому сыну, пришлось имѣть дѣло съ раздробленнымъ, безсильнымъ священствомъ, а Магомету посчастливилось, вскорѣ послѣ начала его миссiи пророка, захватить въ свои руки политическую власть; поэтому оба они въ почетѣ и въ глубокой старости покинули земную жизнь, Христосъ же умеръ въ молодыхъ годахъ на крестѣ.

Христосъ также никоимъ образомъ не заблуждался относительно этихъ опасностей и стремился держать себя такъ, чтобы устранить ихъ цѣлесообразнымъ поведенiемъ. Чтобы выставить свое отношенiе къ iудейскому благочестiю въ болѣе благопрiятномъ духѣ, онъ положительно объявилъ, что

онъ не пришелъ отмѣнить Моисеевъ законъ, но исполнить его, и довелъ эту мысль до безмѣрнаго, всѣмъ развитіемъ христіанства опровергнутаго утвержденія, что скорѣе преидутъ небо и земля, чѣмъ малѣйшая буква закона¹⁾. Впрочемъ, іудейскіе іерархи никогда не поддавались ни малѣйшему заблужденію насчетъ конечныхъ цѣлей Христа.

Но Христосъ соблюдалъ также—и одинъ этотъ пунктъ возбуждаетъ здѣсь нашъ интересъ—величайшую осторожность и умѣренность по отношенію къ существующимъ соотношеніямъ соціальныхъ силъ. Онъ давалъ лишь общія предписанія относительно любви къ ближнимъ (II, 4), которыя никогда еще и никѣмъ со времени основанія христіанства не были проведены въ жизнь въ полномъ размѣрѣ въ силу ихъ чрезмѣрности, и только развѣ нѣкоторые святыя наиболѣе приблизились къ ихъ осуществленію; на подобныя нравственныя увѣщанія, однако, какъ на непрактичныя и неопасныя, даже самыя тираническія правительства не обращали по общему правилу никакого вниманія. Напротивъ того, Христосъ воздержался даже отъ самой умѣренной критики господствующихъ факторовъ силы, а прежде всего порядка собственности, несмотря на то что для него, конечно, не осталось скрытымъ противорѣчіе между ними и все превосходящей любовью къ ближнему. Въ извѣстномъ случаѣ съ уплатой податей Христосъ своимъ изреченіемъ: „воздайте кесарево кесареви, а Божіе—Богви“ (Матѣ. 22, 21), положительно и безъ оговорокъ подтвердилъ верховное владычество римлянъ надъ Іудеей,—важнѣйшее изъ соотношеній политической силы. А вѣдь разграбленіе и дурное обращеніе римлянъ съ ихъ провинціями стояли въ возможно большей противоположности съ заповѣдью любви къ ближнимъ, да они и вызвали въ еврейскомъ народѣ, уже черезъ одно человѣческое поколѣніе послѣ смерти Христа, одно изъ самыхъ яростныхъ возстаній всѣхъ временъ.

Безъ сомнѣнія, эти противорѣчія въ ученіи Христа зависятъ преимущественно отъ существовавшихъ въ то время соотношеній соціальныхъ силъ; но до извѣстной степени ихъ слѣдуетъ приписать его юношескому возрасту, потому

---

¹⁾ Отъ Матоея 5, 17; отъ Луки 16, 17.

что юности свойственно болѣе, чѣмъ разсудительной старости, доводить до крайности свои нравственныя убѣжденія. Вѣдь Христосъ, по преданію церкви, несъ свою миссію учителя съ тридцатаго по тридцать третій годъ своей жизни; но такъ какъ нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ изображеній представляютъ его безбородымъ, то возможно, что это было еще въ болѣе раннемъ возрастѣ. Наоборотъ, Будда умеръ въ 80 лѣтъ, а Магометъ на 61-мъ году отроду; поэтому оба они могли оставить человечеству свое нравственное завѣщаніе въ той зрѣлости и законченности, какая суждена была имъ по ихъ личнымъ способностямъ и историческому положенію.

Мы видѣли, что нравы людей находятся въ полной зависимости отъ существующихъ соотношеній социальныхъ силъ; поэтому было бы весьма удивительно, если бы само ученіе о нравственности не подчинялось тѣмъ же самымъ вліяніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть моралистовъ даетъ ясныя доказательства такого вліянія; эти моралисты возвышенны и величественны въ напыщенныхъ рѣчахъ относительно общихъ вопросовъ; они боязливы и сдержанны въ единственно важныхъ специальныхъ вопросахъ. Изъ массы имѣющихся въ моемъ распоряженіи примѣровъ я намѣренъ привести и рассмотреть здѣсь лишь Кантовское ученіе о нравственности, потому что оно, какъ многіе полагаютъ, имѣло въ Германіи не только теоретическое, но и практическое вліяніе.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Кантовское ученіе о нравственности.

Къ числу именно тѣхъ писателей, у которыхъ указанная мною противоположность между высшими принципами ученія о нравственности и ихъ практическимъ примѣненіемъ выступаетъ особенно ясно, принадлежитъ прежде всего Кантъ. По своимъ взглядамъ онъ стоялъ обѣими ногами на почвѣ радикальныхъ теорій Руссо и другихъ предтечъ французской революціи, а жить и дѣйствовать ему пришлось въ абсолютной и аристократической Пруссіи Фрид-

риха II и Фридриха Вильгельма II. И онъ старался разрешить это противорѣчіе тѣмъ испытаннымъ способомъ, что онъ не находилъ способовъ, чтобы достаточно возвышенно и гуманно выразить высшіе принципы своей морали, а съ другой стороны, старался приспособить всѣ частности права и нравственности къ соотношеніямъ соціальныхъ силъ, существовавшимъ въ его отечествѣ.

Въ качествѣ высшихъ принциповъ общей нравственности Кантъ выставляетъ три извѣстныя положенія: 1) поступай такъ, чтобы ты могъ желать, чтобы правило твоего поведения было всеобщимъ закономъ; 2) поступай согласно лишь такому правилу, чрезъ посредство котораго ты вмѣстѣ съ тѣмъ можешь хотѣть, чтобы оно стало всеобщимъ закономъ; 3) поступай такъ, чтобы человѣчество какъ въ твоёмъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого являлось вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью, а никогда не было бы только средствомъ¹⁾.

Едва ли можно поставить для общежитія людей болѣе высокую цѣль, чѣмъ выраженная въ этихъ трехъ положеніяхъ, въ особенности же въ третьемъ, такъ какъ видѣ лишь благодаря анархизму, въ которомъ всѣ государственныя функціи покоятся на свободныхъ договорахъ сочленовъ, могла бы дѣйствительно быть достигнута та цѣль, чтобы никакая личность не служила другой въ качествѣ лишь простого орудія для ея цѣлей. Всякое же принудительное государство, понятно, во главѣ съ аристократическимъ военнымъ, необходимо должно принести въ жертву преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ интересы и даже существованіе большихъ или меньшихъ группъ населенія. Даже нарисованное мною народное трудовое государство, которое, навѣрно, уже не заражено никакимъ классовымъ интересомъ, будетъ вынуждено привлечь меньшинство своихъ гражданъ къ противнымъ, вреднымъ для здоровья, даже опаснымъ для жизни работамъ²⁾.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ хочетъ Кантъ осуществить въ своемъ „государствѣ разума“ высокій идеаль

¹⁾ Ср. Кантъ: Метафизическое основоположеніе нравовъ (1785), стр. 20, 44, 53, Кирхмановскаго изданія 1870 г., и Критику практическаго разума (1788), § 7.

²⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“ (1903), I, 11; II, 7.

общества, изложенный въ его появившемся въ 1797 году ученіи о правѣ, которое написано подъ глубочайшимъ вліяніемъ событій французской революціи и вызванныхъ ею въ Пруссіи политическихъ стремленій. По воззрѣнію Канта, „монархъ имѣетъ въ государствѣ только права и никакихъ обязанностей“. „Народъ обязанъ сносить злоупотребленія верховной власти, даже когда они станутъ невыносимыми“. Больше того, Кантъ хочетъ даже воспретить подданному „дѣятельно умствовать насчетъ происхожденія верховной власти и сомнительности ея правъ въ разсужденіи должнаго ей повиновенія“ ¹⁾).

Что подобное государство, въ которомъ практически примѣнялись бы или же были бы признаны въ качествѣ постулатовъ чистаго разума эти положенія, напоминающія Калигулу и Нерона, явилось бы несомнѣнной деспотіей,—этого не станетъ оспаривать никакой безпартійный критикъ. Однако, въ деспотически управляемомъ общежитіи не одинъ только высшій властитель злоупотребляетъ своими подданными для удовлетворенія своихъ прихотей и похотей, но такое же право присвояютъ себѣ и его чиновники, солдаты и остальные привилегированныя сословія.

Въ своемъ усердіи приспособить постулаты чистаго разума къ принципамъ управленія какого-нибудь Фридриха Вильгельма II, Кантъ совершенно даже упускаетъ изъ виду, что онъ хочетъ написать „Метафизику нравовъ“ и пользуется такими аргументами, которые ужъ никоимъ образомъ не могутъ быть найдены à priori. Такъ поступаетъ, напр., Кантъ, когда указываетъ на то, что народные представители въ парламентахъ больше помышляютъ о томъ, какъ бы пристроить себя и своихъ родственниковъ на государственную службу, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ народу ²⁾. Ужъ, конечно, не изъ глубинъ чистаго разума почерпнулъ Кантъ этотъ неблагоприятный и косой взглядъ на парламентарную систему, а изъ консервативныхъ газетъ своего времени, которыя, подобно ихъ нынѣшнимъ преемникамъ, имѣютъ несравненно болѣе зор-

1) Кантъ: „Ученіе о правѣ“ (1797), § 49; сравн. также выше II, 5.

2) Кантъ: „Ученіе о правѣ“, § 49.

кіе глаза для несовершенствъ парламента, чѣмъ для злоупотребленій власть имущихъ.

Изъ вышеприведеннаго видно, сколь мало цѣны слѣдуетъ придавать высокопарнымъ выраженіямъ великихъ нравственныхъ принциповъ. Кто предъявляетъ къ другому запросы, стоящіе выше человѣческихъ силъ, тотъ легко можетъ возбудить подозрѣніе, что самъ онъ желаетъ отдѣлаться отъ болѣе умѣренныхъ требованій. Нельзя согласиться съ Аристотелемъ, что добродѣтель есть золотая середина между двумя нравственными полюсами, но учитель нравственности долженъ дать добродѣтели такой видъ, чтобы достиженіе ея стало доступно и людямъ средней силы и самообладанія, и въ силу этого завоюютъ міръ тѣ системы морали, которыя годны не для героевъ или святыхъ, а для среднихъ людей, для массы съ обычнымъ нравственнымъ уровнемъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Загробная жизньъ.

Главное различіе между системами морали современныхъ философовъ и міровыхъ религій (буддизмомъ, христіанствомъ, исламомъ) заключается въ различіи ихъ представленій относительно будущей жизни. Философія нашего времени, основывающаяся все же преимущественно на опытѣ, не признаетъ никакой, въ собственномъ значеніи этого слова, загробной жизни; даже Кантъ, философія котораго является преимущественно религіей разума, ограничивается простымъ утвержденіемъ, что душа бессмертна, безъ того, чтобы въ частности изобразить ея состояніе послѣ смерти. Наоборотъ, названныя міровыя религіи даютъ болѣе или менѣе подробную картину загробной жизни и ставятъ ее въ тѣсную связь со всѣми дѣйствіями человѣка въ теченіе его земного существованія. Какъ бы въ противоположность народнымъ религіямъ, онѣ имѣютъ рефлексивный характеръ, т.-е. онѣ созданы своими основателями и ихъ ближайшими послѣдователями съ полнымъ разумѣніемъ, а потомъ были естественно примѣнены и для содѣйствія цѣлямъ нравственности.

Эта надежда на загробную жизнь, какъ на нѣчто такое, гдѣ человѣкъ будетъ вознагражденъ за всѣ горести земного существованія, является главнѣйшимъ основаніемъ, по которому верховные носители власти уже издавна покровительствовали религіозной жизни. И чѣмъ сильнѣе обостряются противоположности въ нашемъ общественномъ строѣ силы и мощи, чѣмъ скорѣе растетъ число слабыхъ и эксплуатируемыхъ, тѣмъ больше, повидимому, нуждается правовой и нравственный порядокъ въ дополненіи его въ видѣ загробной жизни.

Однако, это широко распространенное мнѣніе основано на заблужденіи. Взоръ, обращенный съ надеждой на загробную жизнь, теряется въ такой безконечной дали, что она не можетъ оказывать на дѣйствія людей никакого значительнаго вліянія. Это доказываетъ тотъ фактъ, что три міровыя религіи обѣщаютъ добродѣтельнымъ, въ награду за ихъ добродѣтель, прямо противоположныя состоянія послѣ смерти. Такъ, христіанство и исламъ обѣщаютъ имъ вѣчное блаженство въ будущей жизни, будь то, съ одной стороны, въ райскомъ гаремѣ Магомета, обильно снабженномъ пищей, питьемъ и дѣвушками, или же, съ другой стороны, въ нѣсколько монотонныхъ христіанскихъ небесахъ. Наоборотъ, буддизмъ обѣщаетъ добродѣтельному, по окончаніи его странствованія въ безчисленныхъ возрожденіяхъ, — Нирвану, полное небытіе навѣки. Если бы вліяніе этой надежды на вѣчную жизнь было дѣйствительно такъ сильно на людей, какъ на этотъ счетъ очень обольщаютъ себя въ своемъ эгоизмѣ сильные міра сего, то или въ одномъ, или въ другомъ религіозномъ обществѣ нравственная жизнь должна была бы совершенно погаснуть, такъ какъ обѣщанія ихъ совершенно разнорѣчивы.

И въ самомъ дѣлѣ, нравственность въ общемъ и цѣломъ совершенно не зависитъ отъ представленій относительно загробной жизни. Человѣческія дѣйствія, какъ массовое явленіе, подчиняются существующимъ соотношеніямъ социальныхъ силъ, къ которымъ, конечно, относится и дѣятельность различныхъ религіозныхъ сообществъ; лишь ничтожное меньшинство святыхъ и благочестивцевъ руководствуется въ своемъ нравственномъ поведеніи ожиданіемъ небесной награды. Эта столь важная въ политическомъ отношеніи мысль

о загробной жизни могла бы еще быть оспариваема съ известной долей справедливости до начала эпохи просвѣщенія, т.-е. приблизительно до конца 17-го столѣтія, потому что тогда вѣра въ церковь была еще всеобщей. Въ настоящее же время сами факты съ несомнѣнностью доказываютъ, что во всей Европѣ огромное число образованныхъ людей и социалистически мыслящихъ рабочихъ отrekliсь отъ всякой дѣйствительной религіи, не сдѣлавшись вслѣдствіе этого въ нравственномъ отношеніи ниже всей остальной вѣрующей массы.

Не слѣдуетъ поэтому опасаться, что, благодаря постепенному вытѣсненію изъ жизни религіозныхъ представленій и надеждъ на будущую жизнь, нравственность, какъ массовое явленіе, должна съ необходимостью потерпѣть какой-нибудь ущербъ. Разумѣется, церкви трехъ міровыхъ религій имѣли донинѣ могущественное вліяніе на всеобщую нравственность, и простое уничтоженіе ихъ могло бы нанести ей тяжелый вредъ, но теперь ихъ можно замѣнить другими, независимыми отъ вѣры въ догматы, факторами силы. И если бы удалось въ концѣ концовъ преобразовать господствующія соотношенія социальныхъ силъ, а прежде всего порядокъ собственности, и при томъ въ духъ болѣе высокой нравственности, то этимъ путемъ создалось бы, быть можетъ, такое моральное состояніе, въ сравненіи съ которымъ вся бывшая до сихъ поръ историческая практика осталась бы далеко позади.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Ученіе о нравственности Ницше.

Такъ какъ мораль находится въ зависимости отъ господствующихъ соотношеній социальныхъ силъ, то она есть явленіе, исторически обусловленное и различающееся въ пространствѣ и времени, хоть она и не является въ то же время, подобно праву, произведеніемъ опредѣленной государственной власти. Поэтому всякій моралистъ и излагаетъ прежде всего нравственное состояніе своего народа и своей эпохи. Такъ какъ, далѣе, соотношенія социальныхъ силъ въ хри-

стіанскихъ странахъ Европы и Америки отличаются весьма значительнымъ однообразіемъ, то въ общемъ и цѣломъ всякая моральная система будетъ имѣть одинаковое значеніе для всѣхъ народовъ европейско-американскаго культурнаго уровня; въ крайнемъ случаѣ пришлось бы привлечь къ разсмотрѣнію еще нравственныя ученія рефлексивныхъ религій, а именно буддизма и ислама. Если бы мы захотѣли пойти еще дальше и обратить вниманіе вмѣстѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ на нравственное состояніе дикихъ народовъ, то у насъ составилось бы что-то вродѣ моральной статистики, изъ которой врядъ ли можно было бы извлечь что-нибудь болѣе разумное, чѣмъ тривіальное положеніе, что почти всякое человѣческое дѣйствіе, къ которому теперь мы относимся съ отвращеніемъ, гдѣ-нибудь и когда-нибудь считалось нравственнымъ.

Нынѣшній нашъ порядокъ силы имѣлъ прежде и все еще имѣетъ до сихъ поръ преобладающій аристократическій характеръ. Однако, нельзя раздѣлять сочленовъ нашего общества, какъ это часто дѣлается, на властвующихъ и подвластныхъ, на господъ и рабовъ, скорѣе они образуютъ въ своей совокупности пирамиду, въ которой всякій является господиномъ для низшихъ и слугою для высшихъ. Однако, со времени французской революціи этотъ аристократическій строй силы и связанная съ нимъ мораль постоянно все ослабляются и постепенно замѣщаются демократическими элементами; одинъ лишь имущественный строй продолжалъ и продолжаетъ существовать почти безъ всякихъ потрясеній. Поэтому тотъ, кто особенно напиралъ на аристократическій характеръ нашего порядка силы и мощи и нашей нравственности, тотъ впадаетъ въ противорѣчіе не только съ современностью, но еще больше съ будущимъ, въ особенности съ замѣтными тенденціями развитія нашей общественной и нравственной жизни. Рѣшительнымъ защитникомъ этого аристократическаго направленія является въ наше время Фридрихъ Ницше.

Ницше—это философъ побѣдоноснаго прусскаго юнкерства, которое, благодаря военнымъ успѣхамъ 1866 и 1870 годовъ, приобрѣло на короткое время чрезмѣрное почтеніе со стороны всего свѣта. Конечная цѣль моральныхъ сочиненій

Ницше, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы эксплуатируемые и слабые не только спокойно переносили иго своихъ угнетателей, но еще почитали ихъ и удивлялись имъ, какъ высшимъ существамъ. Онъ различаетъ мораль господъ и мораль рабовъ. Знатные и господа могутъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно своими инстинктами и прихотями. Одни бѣдные и униженные должны слѣдовать традиціонной морали, по которой человѣческія дѣйствія раздѣляются на дурныя и хорошія. Но какія личности должны пользоваться этой чудовищной привилегіей господской морали, это не разъясняется точнѣе; очевидно, Ницше предполагаетъ, что всѣ богатые и власть имущіе, безъ различія ихъ способностей и убѣжденій, принадлежать къ этому классу. Чисто по-лакейски представляетъ онъ господъ какими-то свѣтлыми образами, между тѣмъ какъ рабы, къ которымъ по существу принадлежить и онъ самъ, являются для него трусами, коварными и мстительными существами ¹⁾.

Въ своемъ лакейскомъ усердіи Ницше забываетъ при этомъ совершенно, что такой откровенностью онъ оказываетъ своимъ „господамъ“ медвѣжью услугу, подобно тому, какъ Макиавелли такими же нескромностями въ своемъ „Государѣ“ повредилъ монархамъ, навѣрно, болѣе, чѣмъ какой-либо другой ученый. Господа, вѣдь, вовсе не такъ мужественны и искренни, какъ въ этомъ насъ хочетъ увѣрить Ницше; напротивъ того, они издавна мастерски умѣли обманывать рабовъ относительно размѣровъ и значенія своихъ привилегій. Я напому только по этому случаю, что власть имущіе въ большей части конституцій обѣщали рабамъ равенство передъ закономъ, допущеніе всѣхъ къ занятію государственныхъ должностей, свободу науки и отміну податныхъ привилегій, — и все это со скрытой задней мыслью, чтобы на практикѣ, посредствомъ мало замѣтныхъ специальныхъ ограниченій, обратить эти красивые принципы въ ихъ полную противоположность. Изъ общей области права и морали можно было бы привести сотни подобныхъ примѣровъ. И этимъ-то осторожнымъ и коварнымъ людямъ Ницше бросаетъ въ лицо ихъ столь бережно охраняемую тайну, что

¹⁾ Ницше: „Къ происхожденію морали“ (1887), I, 10.

они не признають никакихъ другихъ законовъ, кромѣ своей пользы и своихъ прихотей.

Точно также заблуждается Ницше, когда онъ хочетъ усмотрѣть въ возникновеніи и побѣдѣ христіанства борьбу между Римомъ и Іудеей, между знатными и низшими, между аристократической и демократической моралью ¹⁾. Напротивъ, христіанская церковь со времени ея торжества при Константинѣ (306—337 послѣ Р. Хр.) постоянно держалась политики господъ и стремилась къ приобрѣтенію всѣхъ благъ и цѣнностей міра сего, причемъ, конечно, она удерживала свое первоначальное ученіе о смиреніи, самоотреченіи и бѣгствѣ отъ міра въ качествѣ декораціи для народа. Папы и епископы, болѣе мудрые, чѣмъ благородный и сверхчеловѣческій философъ Базельскаго университета, отлично понимали, что откровенно высказанная мораль господъ не долго выдержать передъ натискомъ народныхъ массъ. И въ настоящее время римскій папа представляетъ наглядный примѣръ этого сочетанія морали господъ съ моралью рабовъ, нося на головѣ тройную корону и въ то же время обычно именуясь рабомъ рабовъ Божіихъ (*servus servorum Dei*).

Итакъ, хотя мораль господъ очень часто примѣнялась на практикѣ, но она никогда не была публично исповѣдуема властью имущими и поэтому не поднялась на степень всеми признанной составной части нравственности. Пожалуй, важнѣйшимъ примѣромъ точно сформулированной морали господъ является рыцарская мораль („Бушидо“) существовавшей прежде японской касты воиновъ. Но она не имѣетъ, въ противность тенденціи Ницше, грубо эгоистическаго характера, а является, напротивъ того, ученіемъ справедливости, самопожертвованія, состраданія къ слабымъ, а потому она и стала у японцевъ моралью общенародной.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что даже наиболѣе рѣшительные приверженцы морали господъ заботливо остерегаются предавать болѣе широкой гласности указанную сторону своей индивидуальности. Въ этомъ заключается явное подтвержденіе той важной, развитой въ этомъ сочиненіи, истины, что порокъ, въ качествѣ массоваго явленія, порождается си-

---

¹⁾ Ницше: „Къ происхожденію морали“, I, 16.

лой. Поэтому, если хотѣтъ серьезно за него приняться, то надо, посредствомъ преобразованія существующихъ соотношеній соціальныхъ силъ, по возможности полно оторвать отъ питающей ихъ почвы тѣ соціальныя явленія, которыя существующая нравственность обозначаетъ именемъ порока. Этимъ вопросомъ мы еще должны будемъ заняться въ слѣдующихъ заключительныхъ главахъ этой книги.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Объ улучшеніи нравственнаго состоянія вообще.

Теперь, благодаря еще болѣе опредѣлившейся точки зрѣнія, мы можемъ разсматривать нравственную жизнь, поскольку она представляется намъ массовымъ явленіемъ, какъ совокупность причинныхъ зависимостей, въ которой соотношенія соціальныхъ силъ занимаютъ мѣсто причинъ, а человѣческія дѣйствія—мѣсто слѣдствій. На добродѣтели и пороки людей мы будемъ смотрѣть, какъ на необходимыя проявленія природы, безъ удивленія, но и безъ нравственнаго негодованія. Обращаясь же къ тѣмъ людямъ, которые въ духѣ существующей нравственности расточаютъ по ихъ адресу эти чувства, мы будемъ въ состояніи съ полнымъ правомъ воскликнуть: „лицемѣры или глупцы! Вы заступаете за этотъ, зиждущійся на силѣ строй, а потомъ еще удивляетесь, что изъ него исходитъ ложь, клятвопреступленіе и гордость! Вы защищаете нашъ порядокъ собственности и доходъ безъ труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетесь, что алчность и развратъ отравляютъ жизнь общества! Все это такъ же мало должно было бы изумлять васъ, какъ тотъ фактъ, что лѣтній зной порождаетъ страшныя разрушительныя грозы“.

Конечно, во всякое время найдется небольшое число святыхъ и благородныхъ личностей, занимающихся нравственностью въ качествѣ специалистовъ, будь то изъ религіозной потребности, чтобы обезпечить себѣ привилегированное мѣстечко въ будущей жизни, или въ цѣляхъ своего собственнаго нравственнаго совершенства. Эти герои нрав-

ственности, подобно великимъ людямъ въ области искусства, науки и практической жизни, представляютъ нѣкоторыя особенности, въ силу которыхъ они находятся подъ большимъ вліяніемъ господствующей нравственности, чѣмъ обыкновенные люди. Но громадная масса людей всегда слѣдуетъ закону причинности, гласящему, что данное соотношеніе социальныхъ силъ необходимо вызываетъ опредѣленное число браковъ, дѣтей, преступленій и благородныхъ дѣяній.

Несмотря на эту связанность человѣческихъ дѣйствій, мы все-таки не можемъ отказываться отъ улучшенія практической нравственности посредствомъ преобразования соотношеній социальныхъ силъ. Направленіе этимъ стремленіямъ дастъ намъ нашъ идеалъ совершеннаго нравственнаго состоянія. Въдъ анархизмъ, напр., который стремится къ свободной любви, какъ конечной формѣ половой жизни, разумѣется, не станетъ посягать на соотношенія социальныхъ силъ съ той цѣлью, чтобы этимъ способствовать развитію добродѣтели цѣломудрія. Приверженцы эмпирическаго міровоззрѣнія будутъ ничуть не больше способствовать развитію набожности, хотя въ средніе вѣка она и считалась первой изъ всѣхъ добродѣтелей. Въ общемъ и цѣломъ, однако, тѣ добродѣтели, къ которымъ стремятся религіозныя и философскія системы морали, содѣйствуютъ такимъ желательнымъ социальнымъ условіямъ, которымъ мы должны способствовать при помощи созданія ихъ фактическихъ предпосылокъ. Мы будемъ дѣлать это съ разумной настойчивостью, но безъ нравственнаго возмущенія или негодованія, какъ если бы мы устраивали водопроводы и каналы, чтобы уменьшить смертность населенія.

При этой реформѣ нравственности мы не должны браться съ самаго начала за черезчуръ высокія практическія задачи. Лишь анархизмъ, почти совершенно устраняющій факторы государственныхъ и правовыхъ силъ, могъ бы предначертать своей нравственности, если бы она вообще была осуществимой, самыя высокія задачи. Но уже социализмъ, оставляющій въ полной силѣ всю государственную машину, общественную собственность и даже, до извѣстной степени, частную собственность, необходимо долженъ удовольствоваться болѣе скромнымъ и посредственнымъ состояніемъ нравствен-

ности. Тѣ, кто защищаютъ нашъ современный социальный строй, основанный на силѣ во всѣхъ его существенныхъ чертахъ, должны напередъ отказаться отъ всякой дѣйствительной реформы нравственности. Вѣдь мы уже знаемъ изъ изслѣдованій, приведенныхъ выше на страницахъ этой книги, что всякое соотношеніе социальной силы, вслѣдствіе самой своей природы, вызываетъ съ естественной необходимостью и соотвѣтствующій порокъ.

Преобразование соотношеній социальныхъ силъ, необходимѣйшее условіе всякой истинной реформы нравственности, можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ. Прежде всего тѣмъ способомъ, что мы частью ослабимъ господствующіе факторы социальныхъ силъ, источники всѣхъ нравственныхъ золъ, частью же организуемъ ихъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ то было до сихъ поръ. Затѣмъ преобразование это можетъ быть осуществлено созданіемъ новыхъ факторовъ силы, которые, вмѣсто того чтобы вредить, поднимаютъ бы практическую нравственность на болѣе высокую ступень. Такъ какъ оба эти предложенія чрезвычайно глубоко затрагиваютъ особенности нынѣшняго и будущаго правового и государственнаго строя, то они могутъ быть развиты здѣсь, понятно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Народное обученіе.

Въ большинствѣ европейскихъ странъ народная школа является однимъ изъ важнѣйшихъ, можетъ быть, даже самымъ важнымъ полицейскимъ учрежденіемъ. Она, по закону, представляетъ собою не научное, а нравственно-религіозное учрежденіе; такимъ образомъ, она служить не для того, чтобы сообщать подрастающему поколѣнію истинное знаніе природы и историческихъ событій, а прежде всего является орудіемъ защиты господствующихъ соотношеній социальныхъ силъ. Что касается ея отношенія къ различнымъ силамъ, то въ католическихъ странахъ выдвигаются на первый планъ преимущественно интересы церкви, а въ протестантскихъ—

интересы повелителя государства; также и порядокъ собственности, привилегированныя національности, сословія и партіи находятъ себѣ дѣятельное заступничество въ народной школѣ. Рѣшающимъ вліяніемъ пользуются здѣсь не интересы учениковъ, а интересы господствующихъ внѣ школы могущественныхъ круговъ.

Мое намѣреніе не можетъ, конечно, заключаться въ разсмотрѣніи здѣсь грандіозной проблемы народной школы, хотя бы даже только поверхностно. Здѣсь можетъ быть сдѣлано лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній, находящихся въ непосредственной связи съ разобранными мною ранѣе вопросами.

Если представить себѣ, что тѣ факторы силъ, которымъ преимущественно служить нынѣшнее народное образованіе, будутъ устранены или значительно ослаблены въ ихъ проявленіи, благодаря введенію социалистическаго строя общества (III, 9), то во всемъ народномъ обученіи должна образоваться большая пустота. Ее слѣдуетъ заполнить основательнымъ наставленіемъ въ такъ называемыхъ обязанностяхъ по отношенію къ себѣ самому и къ потомству (II, 3): первымъ — настоящее мѣсто въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, вторымъ — въ позднѣйшемъ возрастѣ жизни.

Наставленіе дѣтей и лицъ юношескаго возраста въ такъ называемыхъ обязанностяхъ по отношенію къ себѣ самому должно было бы обнимать собою ученіе о цѣлесообразномъ питаніи, одеждѣ и жилищѣ, о тѣлесной чистотѣ, о правильной смѣнѣ отдыха и работы, короче, — обо всѣхъ важнѣйшихъ частяхъ гігіены. Социалистическое государство безъ затрудненія можетъ доставить подобныя поученія своимъ подрастающимъ гражданамъ, между тѣмъ какъ при нашемъ нынѣшнемъ общественномъ строѣ это вызвало бы неисполнимыя требованія народныхъ массъ. Эта сторона народнаго обученія навѣрно была бы одной изъ самыхъ необходимыхъ и богатыхъ результатами; вѣдь еще до сихъ поръ нѣкоторыя благочестивыя души боятся бациллъ едва ли меньше, чѣмъ Бога!

А какія громадныя послѣдствія должно было бы имѣть основательное наставленіе народныхъ массъ въ гігіенѣ, это доказываетъ тотъ фактъ, что даже жалкихъ гігіеническихъ

установленій нашихъ дней оказалось достаточно, чтобы уменьшить смертность населенія въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ на половину и даже еще болѣе, по сравненію съ предыдущими столѣтіями ¹⁾, т.-е. достигнуть такого улучшенія социальнаго состоянія, съ которымъ не могутъ сравниться никакія дѣянія всѣхъ государствъ и церквей.

Что же касается до вторыхъ наставленій, въ обязанностяхъ по отношенію къ потомству, то оно, въ силу затрагиваемыхъ при этомъ половыхъ вопросовъ, менѣе подходитъ для лицъ юношескихъ лѣтъ, чѣмъ для лицъ позднѣйшаго возраста, обученіе которыхъ социалистическое государство должно поставить совершенно такимъ же образомъ, какъ и воспитаніе юношества въ собственномъ смыслѣ ²⁾. Это наставленіе должно вестись въ двоякомъ направленіи. Прежде всего созрѣвшимъ юношамъ и дѣвушкамъ должно дать ясное понятіе о томъ, что зарожденіе дѣтей является преступленіемъ, когда родители находятся въ состояніи опьяненія, зараженія сифилисомъ или въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, или если они страдаютъ такими хроническими болѣзнями, которыя могутъ, какъ это дознано благодаря сдѣланнымъ наблюденіямъ, передаваться потомству. Если социалистическое государство, подобно нѣкоторымъ штатамъ Сѣверо-американскаго Союза, захочетъ вообще запретить вступленіе въ бракъ лицамъ, страдающимъ тяжкими наследственными болѣзнями, то подобное наставленіе станетъ необходимо. А затѣмъ граждане государства должны быть наставлены въ томъ, что если даже они находятся въ состояніи полнѣйшаго здоровья, то все-таки они добровольно должны ограничить себя въ произведеніи потомства, такъ какъ слишкомъ большое число дѣтей не только вредитъ отдѣльной семьѣ, но сопровождается самыми гибельными по-

¹⁾ Такъ, напр., въ Вѣнѣ годовая смертность составляла по среднему выводу за 10 лѣтъ въ промежутокъ съ 1800 по 1810 г. не менѣе, какъ 71, а съ 1890—1900 г. только 22,6 чел. на тысячу жителей. Еще яснѣе выступаетъ на передній планъ громадное паденіе смертности, если сравнивать худшія и лучшія годы за послѣднее столѣтіе, а именно 1806 г. съ 89,4 и 1902 г. съ 19,2 чел. на тысячу человѣкъ гражданскаго населенія.

²⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, 2-е изд. (1904), III, 9.

слѣдствіями для всеобщаго блага. При большой равномѣрности экономическихъ отношеній въ социалистическомъ государствѣ подобное наставленіе было бы гораздо болѣе понятно и плодотворно, чѣмъ въ настоящее время, когда страшныя экономическія противоположности, существующія между гражданами государства, дѣлають всеобщее обученіе социальнымъ предметамъ почти невозможнымъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о преобразованіи соотношеній социальныхъ силъ, но лишь о простыхъ наставленіяхъ; поэтому практическая ихъ успѣшность могла бы казаться сомнительной. Проповѣдывало же христіанство, какъ мы знаемъ, въ продолженіе тысячелѣтій преизбыточную любовь къ ближнимъ и другіе идеалы добродѣтели, не достигнувъ тѣмъ никакихъ реальныхъ результатовъ. Но здѣсь дѣло касается не нравственности въ собственномъ значеніи этого слова, не приспособленія къ господствующимъ соотношеніямъ социальныхъ силъ, не дѣятельности для кого-то другого; напротивъ того, здѣсь предлагаются на разсмотрѣніе лишь тѣ дѣйствія, которыя должны были бы уже совершаться изъ одного простаго самосохраненія, если бы предположить, что люди могутъ уяснить себѣ связанныя съ ними послѣдствія.

Вотъ эти-то знанія и должны сообщаться индивиду посредствомъ упомянутыхъ наставленій.

Восьмая глава.

Демократизація политическаго порядка силы и мощи.

Общественная мораль стоитъ вообще, какъ мы знаемъ (1, 6), гораздо ниже индивидуальной морали. Въ продолженіе столѣтій основатели религій, церкви, школы и семьи трудились надъ нравственностью индивида, строго остерегаясь отваживаться на критику общественной морали. Впервые со времени великой французской революціи стало вообще возможнымъ открытое обсужденіе общественныхъ дѣлъ во многихъ культурныхъ государствахъ, безъ того, однако, чтобы

оно оказало сколько-нибудь значительное влияние на политику общественных соединений. Нечего поэтому удивляться, что человек, в малых делах своей индивидуальной жизни обыкновенно проявляющий посредственную доброту, в важных попросах жизни общественных соединений выказывает во всей силе свои зверские инстинкты. Идеаль общественной морали был бы достигнут тогда, когда все расы, национальности и государства мира находились бы между собою в полнейшем равновесии и если бы притом все отдельные государства так распределили бы силу в своих областях между общественными соединениями, что последние не могли бы вторгаться нарушающим образом в область интересов других сообществ, или даже отдельных лиц. Понятно, этот идеаль никогда не может быть полностью достигнут. Однако, каждое государство само может приблизиться к высшей ступени развития общественной морали, если оно возможно равномерно распределить политическую и экономическую силу между своими гражданами, или, другими словами, демократизирует политический и экономический строй общественной силы. О демократизации экономической жизни будет речь в следующей главе (III, 9), здесь же я намерен сделать лишь несколько замечаний относительно влияния демократических государственных форм на нравственную жизнь. Сущность политической демократии состоит в том, что всякий гражданин государства, независимо от образования, сословия и имущественного положения, обладает, по крайней мере в конечном результате, равной политической властью, так что в руках сообществ и отдельных лиц никогда не может сосредоточиться слишком большого и продолжительного влияния на других. Поэтому и общественные соединения не могут злоупотреблять своей властью в такой мере, как при господстве других государственных форм. И в действительности мораль сообществ стоит в республике и в демократической монархии на несравненно более высоком уровне, чем в монархии с аристократическим оттенком или в неограниченной монархии. Я упомяну лишь о важнейшей политической проблеме нашего времени: о той борьбе национальностей, которая в Австрии, России, Гер-

маніи и даже въ Великобританіи часто принимаетъ самыя дикія формы, между тѣмъ какъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки національности мирно уживаются другъ съ другомъ. Точно такъ же и сословный антагонизмъ, который весьма часто именно въ аристократическихъ военныхъ государствахъ принимаетъ самыя ужасныя и грубыя формы и зачастую является настоящимъ центромъ всей политики, здѣсь становится мягкимъ и сглаженнымъ сравнительно. Но благотворное вліяніе демократическихъ государственныхъ формъ замѣтно не только въ области общественной морали, но и въ области индивидуальной. Ложь, постоянная спутница чрезмѣрной мощи, играетъ здѣсь гораздо меньшую роль, да и для развитія гордыни демократія не представляетъ такихъ несравненныхъ питомниковъ, какъ аристократическая или неограниченная монархія, съ царящимъ въ нихъ сверху донизу основаннымъ на силѣ строемъ, съ ея орденами, титулами и отличіями. Разумѣется, я имѣю здѣсь въ виду лишь длительныя государственныйя формы, такъ какъ преходящіе политическіе перевороты лишь незначительно затрагиваютъ нравственную жизнь людей.

Но во всякомъ случаѣ демократія никогда не будетъ въ состояніи развитъ въ полной силѣ свое облагораживающее нравственность вліяніе, пока въ нѣдрахъ имущественнаго строя будетъ продолжать существовать аристократія собственности, обладающая такой безграничной силой. Лишь тогда, когда социализмъ устранить или, по меньшей мѣрѣ, ослабить этотъ аристократическій элементъ, лишь тогда можно будетъ надѣяться, что нравственность будущаго станетъ значительно выше современнаго моральнаго состоянія.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Демократизація экономическаго строя силы и мощи.

Демократизація экономической жизни есть социализмъ. Основной идеей его является право на существованіе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что всякому сочлену обще-

ства должны быть предоставлены всѣ потребныя для веденія человѣческаго образа жизни вещи и услуги по мѣрѣ находящихся въ наличности средствъ, притомъ прежде, чѣмъ будутъ удовлетворены менѣ настоятельныя потребности другихъ людей ¹⁾). Такимъ образомъ социализмъ стремится лишь къ далеко проведенному единообразію, а не къ полному равенству хозяйственной жизни всѣхъ сочленовъ. Существуютъ, конечно, нѣкоторыя социалистическія системы, которыя стремятся также и къ этой послѣдней цѣли, но представляется весьма невѣроятнымъ, чтобы онѣ когда-либо могли достигъ продолжительнаго вліянія ²⁾).

Социализмъ, подобно политической демократіи, долженъ оказать значительное вліяніе на существующую общественную мораль. При его господствѣ исчезнуть или будутъ сильно ослаблены военныя, политическія и религіозныя идеалы нашего времени и на ихъ мѣсто встанетъ, въ качествѣ конечной цѣли, нравственное, научное и эстетическое совершенствованіе человѣчества ³⁾). Въ наше время всякое сообщество нуждается прежде всего въ силѣ, чтобы защитить область своихъ собственныхъ интересовъ и захватить чужую; а тогда для него все будетъ заключаться въ стремленіи къ высшему достижимому для него и для его сочленовъ совершенству. Конечно, и при господствѣ социализма борьба между общественными соединеніями никогда совершенно не прекратится, но тогда она, навѣрно, приметъ менѣ жестокія и менѣ эгоистическія формы.

На индивидуальную мораль социализмъ необходимо будетъ вліять еще гораздо глубже потому, что, отличаясь въ данномъ случаѣ отъ политики, онъ будетъ слѣдовать за индивидуомъ по пятамъ въ его будничной жизни.

Прежде всего социализмъ сдѣлаетъ впервые возможной истинную любовь къ ближнимъ и братство. Напрасно проповѣдывало христіанство въ теченіе двухъ тысячелѣтій чрезмѣрную любовь къ ближнимъ, такъ какъ въ то же время оно давало свое благословеніе и имущественному строю, и воен-

¹⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, 2-е изд. (1904), II, 7.

²⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, I, 4, 11.

³⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, III, 9.

ному государству, и абсолютизму, короче говоря, всѣмъ тѣмъ установленіямъ, которыя отдѣляютъ человѣка отъ человѣка. Лишь тогда, когда социализмъ смягчитъ или устранить экономическія противоположности и тѣмъ разрушитъ всѣ существующія сейчасъ въ обществѣ разъединяющія людей перегородки, когда весь народъ будетъ сознать себя великимъ трудовымъ сообществомъ, въ которомъ общіе успѣхи совпадаютъ съ пользою отдѣльнаго лица, лишь тогда будетъ заложено важнѣйшее основаніе для развитія истиннаго человѣколюбія. Конечно, и послѣ того эгоизмъ будетъ еще оставаться важнѣйшей побудительной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и никогда не будетъ человѣкъ любить всѣхъ своихъ безчисленныхъ ближнихъ такъ, какъ самого себя; но все-таки при господствѣ социализма въ человѣческихъ душахъ откроется широкій просторъ и для проявленія на дѣлѣ братства и любви къ ближнимъ.

Но введеніе социалистическаго строя общества произведетъ глубокія измѣненія также и въ другихъ областяхъ нравственной жизни, такъ, напр., прежде всего оно окажетъ рѣшительное вліяніе на исчезновеніе корыстолюбія, которое можно считать, вмѣстѣ съ ея широкими развѣтвленіями, можетъ быть, самой могучей двигательной силой современнаго общества. Социализмъ уничтоженіемъ дароваго дохода лишилъ бы ее лучшей питательной среды, а также привилъ бы всѣмъ классамъ общества тотъ трезвый и умѣренный образъ мыслей, который мы отмѣтили уже теперь у чиновниковъ, офицеровъ и семействъ другихъ профессій съ опредѣленнымъ постояннымъ доходомъ (II, 7). Въ области брачной и внѣбрачной половой жизни также, навѣрно, совершенно исчезъ бы отвратительнѣйшій и безнравственнѣйшій элементъ торговли тѣломъ или же вступленія въ бракъ изъ корыстныхъ расчетовъ (II, 8).

Такимъ образомъ, старая связь между правомъ и моралью, почти порванная въ наше время, благодаря введенію социалистическаго строя общества сдѣлалась бы опять болѣе тѣсной. Для средневѣковой церкви противорѣчій между правомъ и моралью почти еще не существовало; относящіеся къ 12—14 столѣтію сборники церковныхъ законовъ, сохраняющихъ и понынѣ свою силу, содержатъ въ пестромъ без-

порядкѣ и правовыя и нравственныя предписанія. Позднѣе право развилось въ сильный, до самыхъ мелочей обработанный организмъ, между тѣмъ какъ ученіе о нравственности пало постепенно до положенія какого-то жалкаго придатка къ нему, не имѣющаго для практики никакого значенія. Это насъ не должно удивлять, потому что, какъ мы знаемъ, право и официальная мораль христіанства непрерывно вращались въ кругу грубѣйшихъ противорѣчій. Только путемъ введенія социалистическаго строя общества обѣ эти великія области нравственности, принудительное право и чуждая принужденія мораль могли бы быть снова приведены къ гармоническому, лишенному противорѣчій единству.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Организація общественнаго мнѣнія.

Въ одной изъ начальныхъ главъ этой книги (I, 3) я указалъ на общественное мнѣніе, какъ на одинъ изъ порождающихъ нравственность факторовъ силы. И дѣйствительно, общественное мнѣніе является отношеніемъ социальной силы, совершенно независимымъ отъ догматовъ религіозной вѣры, притомъ проявляющимъ свое дѣйствіе даже тамъ, гдѣ вліяніе остальныхъ факторовъ нравственныхъ силъ, въ особенности же государства и церкви, становится безсильнымъ. Но въ сравненіи съ ними общественное мнѣніе проявило до сихъ поръ лишь ничтожныя слѣды организаціи, и основательная реформа его въ этомъ направленіи создала бы поистинѣ какъ бы совершенно новое соотношеніе социальныхъ силъ, обладающее небывалымъ значеніемъ и мощью.

Основныя черты такой новой организаціи общественнаго мнѣнія для цѣлей нравственной реформы я уже развилъ въ моемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ ¹⁾. Въ согласіи со сказаннымъ уже тамъ, социалистическое государство должно разрѣшить независимымъ органамъ общественной органи-

¹⁾ Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, 2 изд. (1904), I, 8.

зації издание офіційальних газет мѣстнаго характера для того, чтобы, въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо безнравственныхъ поступковъ, направленныхъ противъ общественнаго блага, всякій гражданинъ государства, но обычно лишь потерпѣвшій, имѣлъ право ими воспользоваться. Согласно съ самой сущностью нравственности, должно было бы производиться одно лишь оглашеніе безнравственнаго поступка, но никакого другого наказанія для виновнаго не должно быть назначаемо. Законодательство должно было бы опредѣлить въ отдѣльности, въ какихъ случаяхъ необходимо представленіе передъ публикаціей доказательства ея вѣрности и когда допустимо послѣ публикаціи ея опроверженіе.

Та же самая цѣль можетъ быть достигнута и тѣмъ путемъ, что всякое безнравственное дѣяніе, нарушающее интересы другихъ, будетъ сообщаться и обсуждаться на публичныхъ собраніяхъ общины или на особыхъ сходкахъ.

Подобное учрежденіе, подъ именемъ „Критицизма“, существовало въ продолженіе долгаго времени въ нѣкоторыхъ коммунистическихъ общинахъ Сѣверной Америки.

Многіе будутъ поражены тѣмъ, что, въ силу этихъ установленій, должны будутъ предаваться гласности многочисленные факты индивидуальной жизни, остававшіеся до сихъ поръ въ строгой тайнѣ. Мы привыкли считать наши частныя права въ правовой области и нашу частную и семейную жизнь въ нравственной области чѣмъ-то замкнутымъ, недоступнымъ постороннему вторженію. Но такъ какъ, благодаря введенію соціалистическаго строя общества, всѣ частныя права превратятся въ публичныя ¹⁾, то и факты нашей частной и семейной жизни необходимо станутъ достояніемъ гласности, поскольку они будутъ вносить нарушеніе въ область чужихъ интересовъ, и пріобрѣтутъ, благодаря этому, значеніе уже для болѣе широкихъ круговъ.

Вообще, при соціалистическомъ строѣ общества, мораль, т.-е. не подлежащая принужденію нравственность, должна стать гораздо болѣе вліятельнымъ факторомъ въ мирномъ сожитіи людей, чѣмъ въ настоящее время. При нынѣшнемъ нашемъ міровомъ строѣ весь кругъ дѣйствій широкихъ на-

1) Менгеръ: „Новое ученіе о государствѣ“, II, 1.

родныхъ массъ находится подъ давленіемъ насущнѣйшихъ матеріальныхъ потребностей; кто не работаетъ безропотно согласно повелѣніямъ своего владыки-хозяина, тотъ хорошо знаетъ, что ему достанется на долю самая горькая нужда.

Голодный бичъ почти исключительно царить на дѣлѣ въ нашемъ обществѣ. Поэтому соціальныя отношенія людей и управляются почти однимъ лишь до мелочей разработаннымъ правовымъ порядкомъ, наряду съ которымъ, безъ особой пользы и безъ особаго вниманія, проповѣдуется преизбыточная мораль. Въ социалистическомъ государствѣ, въ которомъ весь народъ будетъ въ одно и то же время и работодателемъ и работникомъ, мораль должна будетъ, наоборотъ, пріобрѣсти несравненно большее значеніе и стать наряду съ правовымъ порядкомъ, въ качествѣ равнородной ему сестры. Было бы весьма желательно, чтобы теоретики социализма во-время замѣтили это важное превращеніе.

Одиннадцатая глава.

Заключеніе.

На предыдущихъ страницахъ мы видѣли, что введеніе социалистическаго строя общества необходимо подниметь практическую нравственность во всѣхъ ея областяхъ гораздо выше современнаго ея положенія. И все-таки, несмотря на это, социалистическимъ стремленіямъ дѣлается и въ старину и въ новое время тотъ упрекъ, что они пытаются ниспровергнуть нравственныя основанія какъ государства, такъ и общества. Намъ, знающихъ, что ложь гнѣздится всюду на скалахъ силы, это обвиненіе не можетъ удивлять. Въдь и христіанству, которое до своей побѣды надъ язычествомъ въ 4 столѣтіи могло съ извѣстнымъ правомъ называться религіей любви, и ему также дѣлался упрекъ въ челоуѣко-ненавистничествѣ со стороны властвовавшихъ тогда римлянъ ¹⁾.

Въ исторіи нравственнаго развитія міра западной куль-

¹⁾ Тацитъ: Анналы, XV, 44.

туры мы можемъ различать три періода: во-первыхъ, эпоху народныхъ религій у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ; во-вторыхъ, эпоху христіанства; наконецъ, въ-третьихъ, приближающуюся эпоху соціализма.

Древнѣйшее время было у западныхъ народовъ эпохой господства народныхъ религій, которыя, въ отличіе отъ христіанства и другихъ рефлексивныхъ міровыхъ религій, являлись не плодомъ творчества какого-либо одного основателя и его ближайшихъ сотрудниковъ, а создались постепенно въ теченіе столѣтій изъ внутренней сущности народовъ. Народныя религіи, никогда не представлявшія собою организованныхъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, церквей, совершенно не имѣли въ виду поощренія нравственности; отцы христіанской церкви первыхъ столѣтій съ полнымъ правомъ упрекали въ безнравственности греко-римское ученіе о богахъ, которое стало извѣстно намъ теперь самымъ точнымъ образомъ какъ по своему существу, такъ и по дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, нравственность должна была въ античномъ мірѣ родиться изъ остальныхъ соотношеній другихъ силъ. Но уже одно рабство съ его абсолютной властью ничтожнаго меньшинства надъ подавляющимъ большинствомъ дѣлало совершенно невозможнымъ существованіе сколько-нибудь сноснаго нравственного состоянія. Если многія свѣтлыя стороны греко-римской культуры, а именно любовь къ политической свободѣ, имѣли рѣшительное и глубокое вліяніе, выразившееся со временъ Возрожденія въ многочисленныхъ народныхъ движеніяхъ, напр., въ великой французской революціи, то зато эти добродѣтели всегда касались лишь тѣснаго круга лицъ и интересовъ. Слѣдуетъ здѣсь только вспомнить, что подавляющее большинство населенія римской имперіи находилось въ состояніи рабства, и что великій герой свободы, Брутъ, былъ въ частной жизни безжалостнымъ ростовщикомъ ¹⁾).

Вторую эпоху въ исторіи нравственного развитія западныхъ народовъ создаетъ введеніе христіанства. Оно повсюду образовало прочно организованныя церкви, имѣвшія, въ качествѣ фактора важной соціальной силы, значительное

¹⁾ Сравн., напр., Цицеронъ, къ Аттику, V, 21; VI, 1 и 2.

вліяніе на нравственную жизнь; несмотря на то, что со времени торжества христіанства и до сего дня главы всѣхъ исповѣданій вели по преимуществу политику господъ. Зато христіанская церковь никогда не задавалась цѣлью произвести серьезное преобразование соотношеній соціальныхъ силъ, даже тогда, когда они имѣли гибельнѣйшее вліяніе на практическую нравственность. Такъ, напр., за все время господства ея вліянія церковь никогда не выступала противъ рабства и крѣпостной зависимости, а дѣйствовала въ согласіи съ Новымъ Завѣтомъ, который рекомендовалъ рабамъ не только терпѣніе и внѣшнюю покорность, но даже прямо рабскій образъ мыслей ¹⁾). Оба указанная выше установленія были уничтожены на дѣлѣ лишь просвѣтительной эпохой 18-го и 19-го столѣтій, но замѣнены также неудовлетворительной системой заработной платы. Къ тому же еще различныя христіанскія церкви, благодаря распространенію эмпирическаго міровоззрѣнія, стали терять свою власть во все болѣе и болѣе широкихъ кругахъ. Уже теперь можно предвидѣть наступленіе того момента, когда христіанская церковь лишится въ главныхъ пунктахъ своего вліянія на народныя массы, а ея еще могущественный организмъ превратится въ пустую, лишенную значенія, оболочку для практической нравственности.

Наконецъ, третью эпоху въ исторіи нравственного развитія міра западной культуры составитъ социализмъ, сдѣлавшійся, благодаря неудержимому упадку христіанской жизни, такой же исторической необходимостью, какой было когда-то христіанство въ эпоху заката язычества. Соціалистическое ученіе о нравственности отказывается отъ всякаго религіознаго обоснованія, отъ всякаго представленія, что нравственныя предписанія исходятъ отъ божества, отъ всякой надежды на загробную жизнь, гдѣ якобы впервые чловѣческое поведеніе получить справедливую награду или наказаніе. Напротивъ того, социализмъ такъ преобразуетъ существующія соотношенія соціальныхъ силъ, что на могилѣ стараго строя, основаннаго на силѣ, необходимо разовьется

---

¹⁾ Сравни Павла, I Коринѳ. 7, 20—24; I Тимоѳ. 6, 1—2; Титу 2, 9—10; I Петра 2, 18—21.

новая, болѣе высокая, нравственная жизнь. Соціализмъ, такимъ образомъ, можетъ надѣяться создать такую нравственность, которая будетъ застрахована отъ возвращенія вспять къ старому религіозному сознанію и окажется поэтому способной къ непрерывному развитію на пути достиженія нравственныхъ идеаловъ человѣчества.

Въ настоящее время соціалистическая мораль является для насъ высшимъ идеаломъ настоящей человѣческой нравственности, совершенно свободной отъ религіозной догмы. Но мы должны остережѣться отъ присвоенія себѣ высокаго мнѣнія христіанской церкви о собственной непогрѣшимости и отъ воображенія, будто міровая исторія скажетъ когда-либо свое послѣднее слово по поводу проблемъ человѣческой нравственности.

